

DETESTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Впервые на русском

Лиза Гарднер

Ничего не бойся

DETECTED. Тайна, покорившая мир

Лиза Гарднер
Ничего не бойся

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

Гарднер Л.

Ничего не бойся / Л. Гарднер — «Эксмо»,
2014 — (DETECTED. Тайна, покорившая мир)

ISBN 978-5-699-93955-8

Новое дело бостонского детектива Ди-Ди Уоррен началось просто хуже некуда. Во-первых, убийство, которое предстоит расследовать, оказалось крайне необычным и кровавым. Во-вторых, на месте преступления следователь подверглась нападению, о котором не может ничего вспомнить. Теперь у нее редкий и очень болезненный перелом плеча, ставящий под угрозу карьеру в полиции. Чтобы вернуться в строй, Ди-Ди нужно избавиться от жуткой боли, добраться до своих воспоминаний и найти убийцу. Во всем этом ей поможет человек с генетическим сбоем, отпрыск ужасного семейства...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-93955-8

© Гарднер Л., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	38
Глава 6	45
Глава 7	53
Глава 8	58
Глава 9	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Лиза Гарднер

Ничего не бойся

Lisa Gardner

Fear Nothing

Copyright © 2014 by Lisa Gardner, Inc.

© Перевод на русский язык. А. Сиськович, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»»,

2017

Пролог

Баю-баюшки-баю, в кроне древа на краю...¹

Тело уже вынесли, но трупное зловоние еще долго не покинет эту комнату. Детектив из бостонского отдела по расследованию убийств Ди-Ди Уоррен знала по опыту, что запах крови может держаться неделями, а то и месяцами. Криминалисты унесли матрас, но кровь словно живет своей отдельной жизнью, просачиваясь сквозь штукатурку, через гипсокартонные стены, скользя по деревянным плинтусам, скапливаясь между половицами. В венах двадцативосьмилетней Кристин Райан текло около 4,7 литра крови. Теперь бо́льшая ее часть заливает это мрачное серое пространство.

Ветер в листьях прошмыгнет, колыбелечку качнет...

Звонок поступил в начале десятого утра. Мидж Робертс, лучшая подруга жертвы, начала переживать, когда Кристин перестала отвечать на стук в дверь и эсэмэс-сообщения. Кристин всегда была человеком ответственным. Не спала допоздна, не сбегала из дома с красавцем-барменом и даже в случае болезни всегда предупреждала об этом свою лучшую подругу. Та, в свою очередь, каждый день ровно в половине восьмого забирала ее, и они вместе ехали на работу в местную бухгалтерскую фирму.

Тогда Мидж позвонила общим знакомым, и те подтвердили, что не видели Кристин уже два дня. Мидж прислушалась к голосу своей интуиции и позвала хозяина квартиры, который после долгих уговоров все-таки согласился открыть дверь.

Как только она переступила порог, ее едва не стошнило от невыносимого трупного запаха.

Мидж так и осталась в прихожей тесного дома на двух хозяев, одну часть которого занимала ее подруга. Девушка даже не стала подниматься в спальню, но, как она сообщила Филу, коллеге Ди-Ди, сразу все поняла. Просто поняла. Скорее всего, Мидж даже с такого расстояния учуяла запах разлагающейся крови.

Баю-баюшки-баю...

Прибыв на место, Ди-Ди сразу заподозрила что-то неладное в этом полном противоречий событии. Жертва женского пола, лежащая на кровати с остекленевшими голубыми глазами, устремленными в потолок. Руки раскинуты в разные стороны, красивое лицо обрамлено каштановыми волосами, разметавшимися по белой подушке.

Но то, что ниже шеи...

Вся кожа была изрезана в тонкие скрученные лохмотья. Ди-Ди только слышала о таком, а теперь увидела собственными глазами: молодая женщина, освежеванная в своей же собственной постели, на окровавленном животе покоится одна-единственная красная роза, а на прикроватной тумбочке стоит бутылка шампанского.

Рядом с шампанским Фил обнаружил пару наручников. Для удобства на них была меховая отделка – такие можно приобрести только в дорогих секс-шопах. Наручники, игристое вино, красная роза...

– Похоже, свидание прошло неудачно, – предположил Фил.

Или, если учесть степень жестокости преступления, перед полицейскими красовался результат мести обиженного бойфренда. Кристин порвала с жалким молокососом, а прошлой ночью жалкий молокосос вернулся, чтобы доказать раз и навсегда, кто здесь главный.

¹ Баю-баюшки-баю, в кроне древа на краю, Ветер в листьях прошмыгнет, колыбелечку качнет, А подует посильней – сук сломается под ней. Сронит ветер, не шутя, колыбельку и дитя... (Английская детская песня, пер. В. Лебедева.)

Но Ди-Ди такая точка зрения не устраивала. Да, наручники были, но ведь не на запястьях жертвы. Да, была открытая бутылка шампанского, а рядом стояли два абсолютно пустых бокала. Наконец, была и роза, но далеко не в качестве подарка.

Убийство казалось ей слишком... хорошо продуманным. Его совершили явно не в порыве страсти и уж наверняка не из ревности. Нет, это своего рода художественная постановка, на создание которой ушли месяцы, а то и годы долгих раздумий и подготовок.

По мнению Ди-Ди, полицейские стали свидетелями дела рук не просто убийцы, но маньяка с глубоко изощренной, пугающей фантазией.

Это, очевидно, его первое зверское, можно сказать, ритуальное убийство, но вряд ли последнее.

Ветер в листьях промывает, колыбелечку качнет...

Ди-Ди и ее коллеги, криминалисты и судмедэксперты, не говоря уже о целой бригаде других следователей, более шести часов изучали место преступления. До самого вечера они составляли протоколы, снимали отпечатки пальцев, рисовали схемы и выдвигали свои теории по поводу столь загадочного убийства. С пропущенным обедом сотрудники смирились, но когда пришло время ужина, у многих стали сдавать нервы. Как главный следователь Ди-Ди наконец отправила всех домой отдыхать. Будет новый день, и они смогут изучить федеральные базы данных на предмет убийств со сходным описанием, а также составить досье на жертву и убийцу. Работы предстоит еще много. К расследованию нужно подойти с разных сторон, но не сейчас. Сегодня надо немного отдохнуть.

Поздно вечером все разъехались. Разумеется, кроме Ди-Ди.

Было уже почти двадцать два часа. Детектив могла бы вернуться домой. Побывать с мужем. Поцеловать на ночь трехлетнего сына, мирно сопящего под одеялом в своей кровати. Просто хорошенько выспаться, в конце концов. Однако вместо этого она торчит в этой жуткой комнате, где совсем недавно убили молодую девушку, и прокручивает в голове столь любимый ее малышом детский стишок.

Ди-Ди не могла так просто уйти. Некий инстинкт – или некая смутная догадка? – привел ее в этот крохотный и чересчур тихий дом. Большую часть дня Ди-Ди обсуждала с коллегами мотивы убийства, а сейчас стояла в полной темноте в центре орошенного кровью помещения и молча прислушивалась к своему внутреннему голосу.

Баю-баюшки-баю...

Кристин Райан была уже мертва, когда убийца нанес первый удар. Об этом можно судить по спокойному, умиротворенному выражению лица девушки. Смерть, по-видимому, была быстрой и относительно легкой. А затем, после того как ее сердце сократилось в последний раз, убийца взял нож и вспорол своей жертве правый бок.

Почему он не убил ее позже? Ведь вряд ли его волновало, что девушке будет больно. Нет, скорее дело в другом. Но в чем? Что это было?

Жертвоприношение? Инсценировка? Часть ритуала? Убийца со странным бзиком по части человеческой кожи. Возможно, еще ребенком он начал с лягушек или даже с домашних животных, а позже, когда разбушевалась фантазия...

Судмедэксперты должны обследовать тело на предмет сексуального насилия, а также выяснить, как вел себя убийца, когда наносил удары труп. Обычно рваные края раны свидетельствуют о неуверенности маньяка, но в данном случае сложно судить о его поведении, учитывая, как сильно изуродовано тело.

И снова Ди-Ди передернуло от этой мысли. Конечно, все это можно выяснить. Но в глубине души Ди-Ди знала, что эта информация не представляет большой ценности. На самом деле убийца таким образом хотел направить их по ложному следу.

Зачем же еще разыгрывать целое представление, как не для того, чтобы заставить зрителей увидеть то, что тебе нужно?

Внезапно Ди-Ди все поняла. Эта мысль уже давно таилась в закромах сознания, и только сейчас детектив ее обнаружила. Первый и главный вопрос, ответ на который следует искать. То, из-за чего она стоит сейчас в темноте, невидящим взором оглядывая эту комнату: зачем же убийца устроил этот спектакль?

Раздался звук. Где-то в отдалении. Кто-то осторожно открыл входную дверь? Лестница скрипнула под тяжестью чьих-то шагов? Стон половиц на первом этаже?

Снова раздался звук. Теперь уже ближе. Сержант уголовной полиции Ди-Ди Уоррен поняла то, что должна была понять еще пятнадцать минут назад. Любимая колыбельная Джека, детская песенка, которую она напевала себе под нос... Эта мелодия крутилась не только в ее голове.

Кто-то еще напевал ее. Тихо-тихо, едва слышно. Где-то в коридоре. В квартире убитой находился кто-то еще.

Баю-баюшки-баю, в кроне древа на краю...

Ди-Ди резко дернула руку вниз, расстегнула кобуру и вытащила пистолет. Детектив развернулась и мгновенно опустилась на корточки, взглядом, прыгающим от угла к углу, пытаюсь отыскать незваного гостя. Но в темноте никакого движения, никаких теней, приобретающих человеческие очертания, не было видно.

Ветер в листьях прошемыгнет, колыбелечку качнет...

Ди-Ди быстро проскользнула из спальни к лестнице, держа перед собой пистолет. В узком коридоре не имелось ни светильников, ни точечной подсветки. Только из незанавешенных соседских окон сюда попадал свет вместе с причудливыми светло- и темно-серыми тенями, исполняющими дикие танцы на деревянном полу.

Ди-Ди напомнила себе, что знает этот дом. Не далее как сегодня утром она стояла в этом коридоре, осторожно переступала через лужи рвоты и пыталась запомнить каждую сколько-нибудь значимую деталь. Детектив подошла поближе к лестнице, посмотрела по сторонам, а затем стала вглядываться вниз, в вязкую лужу на первом этаже. Песенка стихла. Тишина оказалась еще хуже пения.

Затем где-то в темноте снова раздался низкий и мелодичный голос: «*Баю-баюшки-баю, в кроне древа на краю...*»

Ди-Ди остановилась. Ее взгляд продолжал метаться из стороны в сторону. Детектив тщетно пыталась определить место нахождения незнакомца, продолжавшего напевать, медленно и насмешливо: «*Ветер в листьях прошемыгнет, колыбелечку качнет...*»

И вдруг Ди-Ди все поняла. Она буквально почувствовала, как страх превратил кровь в ее венах в лед. Зачем ты разыграл весь этот спектакль? Затем, что тебе нужны зрители. Или, может, конкретный зритель. Например, женщина-детектив, которая оказалась настолько глупа, что поздней ночью торчит на месте преступления совсем одна.

Детектив запоздало вытащила мобильный.

Одновременно с этим прямо у нее за спиной раздался какой-то шум.

Ди-Ди развернулась, глаза расширились от ужаса.

Из темноты появилась чья-то фигура и направилась прямо к ней.

А подует посильней – сук ломается под ней...

Инстинктивно Ди-Ди отступила назад, позабыв, что стоит на краю лестницы. На какое-то мгновение она застыла наверху, продолжая отыскивать опору...

Нет! Телефон полетел вниз, но она вскинула пистолет, пытаясь при этом не упасть вслед за мобильником.

Секунда... и тень приблизилась вплотную, а в следующий миг Ди-Ди почувствовала, что падает.

Вниз, вниз, вниз.

В последний момент Ди-Ди спустила курок – сработал инстинкт самосохранения. Бах-бах-бах. Хотя и знала, что поздно... слишком поздно.

Она ударилась головой о холодный деревянный пол. Щелчок. Выстрел. Ди-Ди почувствовала острую боль от пули, пробивающей плоть. И услышала голос, шепотом напевающий последнюю строчку: *«Сронит ветер, не шутя, колыбельку и дитя...»*

Глава 1

Мою особенность обнаружила старшая сестра, когда мне было три года. Наша приемная мать вошла в комнату, как раз когда та держала в руках ножницы, а я стояла рядом, послушно вытянув окровавленные руки. Кровь капала с запястий прямо на шерстяной, оливково-зеленого цвета ковер.

– Смотри, ей даже не больно. – И шестилетняя сестра полоснула мне ножницами по предплечью.

Кровь полилась еще сильнее.

Мать вскрикнула и упала в обморок.

Помню, как уставилась на нее, не понимая даже, что произошло.

Потом сестра куда-то убежала, а чуть позже меня забрали в больницу. Врачи несколько недель проводили всякие тесты куда хуже, чем эксперименты сестры. Они должны были причинить мне больше боли, но этого сделать не удалось. Однако медики выяснили причину: из-за невероятно редкого вида мутации гена SCN9A я не чувствую боли. Я могу почувствовать внешнее воздействие. Например, когда ножницы разрезают мне кожу. Я могу почувствовать характер поверхности какого-либо предмета. Например, гладкие острозаточенные лезвия, вонзающиеся в руку.

Но в буквальном смысле ощущать боль даже от сильно кровоточащего пореза...

Я не чувствую того, что чувствуете вы. Никогда не чувствовала. И никогда не почувствую.

* * *

Следующие двадцать лет после того, как Шана вспорола мне руки швейными ножницами, я ее не видела. Большую часть этого времени моя сестра провела в различных медицинских учреждениях, пытаясь удостоиться чести стать самым юным подростком штата Массачусетс, посаженным на принудительное нейролептическое лечение. Свою первую попытку совершить убийство Шана предприняла, когда ей было одиннадцать. В четырнадцать новая попытка увенчалась успехом. Прямо семейная гордость.

Однако если сестра пала очередной жертвой системы, то я стала местным примером для подражания, эдаким воплощением успеха.

Когда поставили диагноз, врачи решили, что приемные родители больше не смогут заботиться обо мне должным образом. В конце концов, известно много случаев, когда младенцы, рожденные с такой же генетической мутацией, сами откусывали себе языки, как только у них появлялись первые зубки. А еще малыши получали ожоги третьей степени из-за того, что держали ручки на раскаленной кухонной плите. Не говоря уже о семи-, восьми-, девятилетних детях, которые могли целыми днями бегать со сломанной лодыжкой или умереть от разрыва аппендикса, потому что они даже не почувствовали, как он воспалился.

Боль – полезная штука. Она предупреждает об опасности, учит задумываться над своими действиями и напоминает о возможных последствиях. Ведь если бы не было боли, прыжок с крыши мог бы показаться весьма забавным развлечением. Так же как и идея опустить руку в чан с кипящим маслом или, например, взять пассатижи и вырвать с корнем собственные ногти. Большинство детей с врожденной нечувствительностью к боли объясняют свои поступки любопытством. Не важно зачем, просто почему бы и нет?

Другие, однако, скажут вам с ноткой задора в голосе, что они сделали это, чтобы проверить, будет ли им больно. Ведь способность *не чувствовать* то, чего так боятся все остальные

ные, может стать самым главным достижением всей их жизни. Ими движут особая сила, неослабевающая одержимость и, наконец, неудовлетворенное чувство мазохизма.

Среди детей, страдающих от невосприимчивости к боли, наблюдается высокий уровень смертности. Лишь немногие из нас доживают до зрелого возраста. Большинству требуется круглосуточный уход. В моем случае один генетик, пожилой мужчина без жены и детей, использовал кое-какие связи и забрал меня к себе домой, где я стала его любимой приемной дочерью, а также самым интересным предметом исследования.

Мой отец был хорошим человеком. Он нанял лучших сиделок, которые заботились обо мне двадцать четыре часа в сутки, а все выходные помогал мне привыкнуть к моей особенности.

Он научил меня, например, что если не можешь *почувствовать* боль, то должна найти другие способы выявления потенциальных угроз для своего физического благополучия. Еще маленьким ребенком я усвоила: кипяток равно опасность. То же самое и с раскаленной кухонной плитой. Любой предмет я должна сначала оценить заочно. Ни в коем случае нельзя брать его в руки, если он острый. Никаких ножниц. Никакой мебели с открытыми уголками. А также никаких котят, щенят и любой другой живности с клыками и когтями. Ходить – предельно осторожно. Не прыгать, не кататься на коньках, не качаться на качелях, не танцевать.

Если я шла на улицу, то обязательно надевала на голову шлем и всю остальную необходимую защиту. А по возвращении мои доспехи снимались, а тело подвергалось обследованию на наличие признаков повреждения. Однажды я пришла домой и только тут заметила, что лодыжка вывернута на полных сто восемьдесят градусов. Неудивительно, что я повредила все сухожилия, просто гуляя по саду. А в другой раз я явилась вся в пчелиных укусах: наткнулась на осиное гнездо и с наивностью, присущей пятилетней девочке, увлеченно смотрела, как эти забавные насекомые летают вокруг меня.

С возрастом я научилась самостоятельно производить собственные медицинские осмотры: каждое утро измерять температуру, чтобы понять, есть ли у меня жар, наличие которого, как правило, предупреждает о том, что организм борется с инфекцией; в конце дня осматривать каждый сантиметр кожи на предмет ушибов и порезов; затем глаза: красные глаза – плохой знак; потом уши: кровь в ушной раковине может свидетельствовать о разрыве барабанной перепонки и/или возможной травме головы; и, наконец, нос, рот, зубы, язык и десны.

Мое тело – мой храм, святилище, коему нужны постоянные внимание и забота. Отсутствие молекулярных каналов, направляющих электронные импульсы от нерва к мозгу, говорит о том, что мой организм не может сам о себе позаботиться. Поэтому эту заботу должна проявлять я. Люди с такой же особенностью, как у меня, не могут пользоваться осязанием. Вместо него мы вынуждены полагаться только на зрение, слух, вкус и обоняние.

– Победа духа над плотью, – часто повторял мой отец-генетик. – Нужно постоянно тренировать свой дух, чтобы одержать победу над плотью.

Когда мне удалось дожить до тринадцати и не умереть от теплового удара, внутренней инфекции или несчастного случая, отец смог продвинуться на шаг вперед в своих исследованиях. По статистике, во всем мире от невосприимчивости к боли страдают несколько сотен детей, но из них лишь сорок доживут до зрелого возраста. Изучение этих случаев открыло еще ряд негативных моментов неспособности чувствовать физический дискомфорт. К примеру, многие из таких детей имеют трудности при общении со сверстниками, замедленный эмоциональный рост и ограниченные коммуникативные навыки.

Приемный отец тут же произвел мою полную психологическую диагностику. Могла ли я проникнуться чувствами к окружающим? Распознать страдание на лице незнакомца? Адекватно реагировать на беды других людей?

В конце концов, если ты ни разу не плакала из-за пореза, будешь ли ты страдать, когда твоя шестнадцатилетняя лучшая подруга внезапно оборвет все связи и назовет тебя уродкой? Если ты можешь спокойно пройти несколько километров на сломанной ноге, сдавит ли твое сердце от боли, когда на свой двадцать третий день рождения получишь от родной сестры первое за долгие годы письмо со штемпелем из исправительного учреждения?

Если ты в жизни ни секунды не билась в настоящей агонии, что будешь испытывать, когда твой приемный отец, испуская последний вздох, сожмет твою руку и едва слышно прошепчет:

– Аделин... Это... *Боль*.

Когда я стояла на похоронах совсем одна, мне казалось, что я ее чувствую.

Тем не менее я дочь своего отца, дочь ученого, и понимаю, что нельзя ни в чем быть уверенной до конца. Я решила продолжить его дело: стала учиться по первокурсной докторской программе, ставить различные эксперименты и проводить исследования.

Боль стала делом всей моей жизни.

Весьма полезная специальность, и причин выбрать ее было предостаточно.

* * *

Когда я подъехала к дверям Массачусетского исправительного центра, сестра уже ждала меня. Я отметила время прихода, сдала сумочку в камеру хранения и встала в конец небольшой очереди, чтобы пройти через контроль. Двое охранников, Крис и Боб, приветствовали меня как старую знакомую. Боб проверил детектором мой медицинский браслет, то же самое он делал в каждый первый понедельник месяца. Затем Мария, третий сотрудник охраны, проводила меня в комнату свиданий. Сестра уже находилась там, она сидела на стуле, ее руки, как обычно, были в наручниках.

Мария кивнула, и я вошла в комнату – небольшое пространство восемь футов на восемь с двумя оранжевыми пластиковыми стульями и деревянным столом посередине. Шана, прямо как опытный преступник, сидела спиной к бетонной стене, которая должна была служить ей психологической защитой, и смотрела в коридор через единственное окошечко в двери.

Подвинув свободный стул, я села перед ней, спиной к выходу и к проходящим по коридору людям. Я медлила, пытаюсь устроиться поудобнее и принять наиболее непринужденную позу. Прошла минута. Другая.

Сестра первая нарушила молчание:

– Сними пиджак.

Она сказала это чересчур отрывисто. Что-то разозлило ее. Скорее всего, еще задолго до моего визита, но это вовсе не означало, что на меня нельзя сорваться.

– Зачем? – В отличие от нее, я держалась намеренно спокойно.

– Черный тебе не идет. Сколько раз еще повторять? Он тебя старит.

И это я слышу от человека, одетого в грязно-синюю робу, с салными волосами до плеч. Не говоря уже о горящих безумием глазах. Возможно, когда-то Шана и была симпатичной, но годы жизни в тяжелых условиях и нехватка солнечного света взяли свое.

Я все-таки сняла свой приталенный блейзер от Анны Тейлор и повесила на спинку стула, оставшись в сером джемпере. Сестра уставилась на мои руки, закрытые рукавами. Затем ее карие глаза буквально впились в мои, она сделала несколько вдохов, как бы приinhиваясь.

– Не чувствую запаха крови, – произнесла она наконец.

– К чему это разочарование в голосе?

– Послушай, я провожу в этой дыре двадцать три часа в сутки, пялясь на вонючие белые стены. Могла бы порадовать меня хотя бы легкими порезами.

Шана уверяет, что она может чувствовать боль вместо меня. Сестринская связь, этому нет научных обоснований. И все же было уже три случая, когда через пару часов после возвращения от нее я обнаруживала у себя на теле синяки и ссадины, о которых она меня предупреждала, хотя и не могла видеть их.

– Тебе бы пошел пурпурный, – продолжила Шана. – Ты живешь на воле, так что наслаждалась бы жизнью, Аделин. Может, расскажешь что-нибудь поинтереснее. Надоела эта твоя дурацкая работа, пациенты, исследования и прочая муть. Расскажи лучше о накачанном мачо, срывающем розовый лифчик с твоей мелкой груди. Пожалуй, тогда я даже стану радоваться этим ежемесячным визитам. Сексом же тебе можно заниматься?

Я промолчала. Она задает этот вопрос уже далеко не в первый раз.

– Думаю, да. Удовольствие-то ты еще как чувствуешь, а вот боль – нет. Боюсь, это значит, никаких садо-мазо-игр. Сочувствую, подруга.

Шана произносила каждое слово с полным равнодушием. Ничего личного. Она разговаривает так, потому что не умеет по-другому. И никакое лишение свободы, никакие лекарства и сестринская любовь никогда не смогут это изменить. Шана прирожденный хищник, истинная дочь своего отца. В четырнадцать лет она убила сверстника и попала за решетку. Там она убила сокамерницу и двоих надзирателей за компанию. После этого ее упекли сюда.

Можно ли любить такого человека? С профессиональной точки зрения замечу, что Шана, как существо глубоко антисоциальное, а также страдающее от расстройства личности, является всего лишь интересным предметом для исследования. А как сестра вынуждена признать, что, кроме нее, у меня больше никого нет.

– Мне сказали, ты начала рисовать. – Я решила сменить тему. – Суперинтендант МакКиннон говорит, что твои первые картины отличаются высокой степенью детализации.

Шана только пожала плечами, комплименты – это не для нее.

Она стала принюхиваться.

– Ты не пользовалась духами, но одета по-деловому. Значит, сегодня тебе еще надо на работу. Сразу отсюда поедешь в офис. Побрызгаешься в машине? Надеюсь, твои духи смогут перебить аромат местного парфюма?

– Мне казалось, тебе не нравится говорить о моей работе.

– Ну так больше-то не о чем.

– Погода.

– К черту ее. И тебя туда же. Я в курсе, сегодня понедельник, но это не значит, что я должна целый час тут торчать в роли твоего подопытного кролика и объекта для жалости.

Я промолчала.

– Я уже устала, Аделин. Ты. Я. Каждый месяц ты приходишь сюда, чтобы похвастаться своим талантом дерьмово одеваться, а я должна сидеть здесь и все это терпеть. У тебя полно пациентов, так займись ими, а меня оставь в покое. Убирайся! Слышишь? Катись отсюда! Я не шучу!

В дверь постучали. Мария, наблюдавшая за нами через окошко, заглянула проверить, все ли хорошо. Я не обернулась, продолжая смотреть только на сестру.

Ее вспышки меня не волновали. Я уже давно привыкла к этим проявлениям враждебности. Ярость – единственная эмоция, на которую Шана способна, и она служит ей как для защиты, так и для нападения. К тому же у моей сестры достаточно поводов меня ненавидеть. Дело не только в том, что я оплачивала ее лечение, и даже не в моей генетической особенностях. Когда я родилась, маме пришлось уделять мне слишком много внимания, и времени на Шану у нее не оставалось.

Отношения между сестрами часто складываются нелегко. Однако наши били все рекорды. Шана проклинала меня, в ее глазах не было ничего, кроме тупого гнева и глубокой депрессии, и я лишний раз задумалась, что же могло произойти сегодня утром, чтобы довести мою закаленную в боях сестру до такого состояния.

– Какое тебе дело? – спросила я резко.

– Ты о чем?

– Ты сказала, мне пойдет пурпурный. Какое тебе дело до моей одежды, до ее цвета и до того, буду ли я в ней выглядеть привлекательно? С чего такой интерес?

Шана нахмурилась, явно озадаченная этим вопросом.

– Да ты... – наконец проговорила она, – тормоз гребаный.

– Это самые теплые слова из всех, что я от тебя когда-либо слышала, – заметила я.

Похоже, победа за мной. Шана возвела глаза к потолку и пусть неохотно, но улыбнулась. Напряжение куда-то испарилось, и мы обе вздохнули спокойно.

Шана может притворяться сколько угодно, но ее надзиратель сообщил мне, что на самом деле сестра с нетерпением ждет моих визитов. Чтобы найти на нее управу во время наиболее острых вспышек ярости, достаточно пригрозить ей лишением этих свиданий. Поэтому мы продолжаем наш бесконечный круговорот встреч и расставаний, который длится уже около десяти лет.

Похоже, Шана привязалась ко мне настолько, насколько это вообще возможно для прирожденного психопата.

– Как у тебя со сном? – спросила я.

– Дрыхну как младенец.

– А книжки читаешь?

– О да. Осилила полное собрание сочинений Шекспира. Никогда не знаешь, где может пригодиться пятистопный ямб.

– И ты, Брут?

Еще одна легкая улыбка. Шана слегка расслабилась и обмякла на своем стуле. Мы еще тридцать минут болтали о всяких мелочах. Именно в таком ключе проходил каждый первый понедельник месяца. Наконец Мария постучала в окошко. Все, наше время вышло. Я поднялась, а сестра предпочла остаться на месте.

– Пурпурный, – напомнила она, когда я накинула на плечи черный пиджак.

– Может, и тебе стоит последовать своему совету, – отозвалась я. – Добавь побольше этого оттенка в свои картины.

– Чтобы дать этим мозгоправам лишний повод покопаться в моей голове? – ухмыльнулась Шана. – Перебьются.

– Тебе снятся черно-белые сны?

– А тебе?

– Мне вообще ничего не снится.

– Наверное, это еще одна твоя особенность. Радуйся. А я вижу сны довольно часто. В основном кроваво-красные. Единственное различие между ними только в том, что иногда с ножом бегаю я, а иногда – наш дорогой папочка.

Шана уставилась на меня, глаза ее внезапно сузились, как у акулы, которая преследует свою добычу.

– Попробуй записывать свои сны или зарисовывать, – предложила я.

– Так а я что, по-твоему, делаю?

– Выплескиваешь на холст свои садистские переживания.

Шана засмеялась, и на этой ноте я направилась к выходу.

– Как она? – спросила я через минуту, когда мы с Марией вдвоем шли по коридору. Обычно по понедельникам больница закрыта для посетителей, так что было относительно тихо.

– Трудно сказать. Вы же помните, что с того момента, как Шана совершила первое убийство, минуло почти тридцать лет?

Я безучастно посмотрела на собеседницу.

– Ваш двенадцатилетний сосед Донни Джонсон. На следующей неделе стукнет тридцать лет со дня его убийства, – уточнила Мария. – По этому поводу звонил какой-то местный репортер, хочет взять у Шаны интервью.

Я судорожно моргнула. Каким-то образом до сих пор удавалось не подпускать к сестре журналистов. Хотя позже мне как терапевту и как человеку, посвятившему жизнь тому, чтобы научиться управлять самой собой, придется не раз спросить себя, для чего я это делала. Неужели это могло бы причинить мне боль? Да уж, звучит весьма иронично.

– В любом случае ни на какие вопросы она отвечать не будет, – продолжила Мария. – Оно и к лучшему, если вам интересно мое мнение. Ну то есть мальчишка-то явно уже не сможет ни с кем разговаривать. Так с чего бы его убийца должна?

– Держите меня в курсе.

– Разумеется.

На выходе я забрала свою сумочку, отметила время выхода и направилась к машине, припаркованной на огромной стоянке в сотне метров от разваливающегося, огороженного колючей проволокой здания, которое уже давно служит моей сестре домом.

На пассажирском сиденье лежал яркий пурпурный кардиган, который мне пришлось снять перед входом в больницу. Согласно правилам посетители должны быть одеты наименее броско, чтобы не нервировать пациентов, поэтому пришлось также снять все украшения. И купленную всего две недели назад кофту – клянусь, первую вещь пурпурного цвета в моем гардеробе.

Снова оглянулась на кирпичное строение. Разумеется, в нем, как и в любом другом здании, полно окон. Видно даже маленькое окошко изолятора, где коротает дни моя сестрица. Но с такого расстояния, неуклюже сгорбившись за рулем внедорожника с тонированными стеклами, я вряд ли сумею ее разглядеть...

Шану всегда было трудно понять, у нее очень своеобразный взгляд на вещи. Но теперь я стала подозревать, что то же самое она думает обо мне.

Наконец я завела машину и поехала в центр Бостона, где меня ждал еще один долгий рабочий день и десятки пациентов, нуждающихся в помощи и утешении, включая мою новую подопечную, детектива из бостонского департамента, которая совсем недавно получила ранение при исполнении служебных обязанностей.

Обожаю свою работу. Всегда с нетерпением жду сложных задач при знакомстве с новыми пациентами, и, как подобает человеку с моей особенностью, все свои сеансы начинаю привычной фразой:

– Пожалуйста, расскажите мне о своей боли.

Глава 2

Сердцем Ди-Ди всегда чувствовала, что удача на ее стороне. Но вот разум никак не хотел этого признавать.

Проснулась она поздно, после десяти, и это ее изрядно смутило. Если бы кто-нибудь сказал, что доблестный детектив в понедельник утром проспит до десяти часов, она, несомненно, обвинила бы его в наглой лжи. Утро для того и существует, чтобы встать пораньше и отправиться на работу. Выпить чашку черного кофе, встретиться с коллегами и, может быть, съездить на новое место преступления.

Ди-Ди любит черный кофе, любит своих коллег и запутанные расследования.

Ее не прельщала идея провести еще одну тревожную ночь, то и дело просыпаясь от ночных кошмаров. Уже больше месяца ей снятся мрачные тени, которые расппевают любимую детскую песенку ее сына, а затем обретают человеческую форму и бросаются за Ди-Ди в погоню.

Каждую ночь она убегает от них, но каждый раз опытный сержант полиции, детектив Ди-Ди Уоррен падает во тьму, покоряясь ужасной судьбе. Потому что, хоть сердцем она чувствует, что удача всегда на ее стороне, разум отчаянно отрицает этот факт.

На прикроватной тумбочке стояла радионяня. Однако из детской не доносилось ни звука. Скорее всего, Алекс отвел Джека в садик, а сам отправился на работу в полицейскую академию. Ди-Ди же в это время...

Ди-Ди весь день посвятила тому, чтобы выбраться из постели.

Она поднималась очень медленно. Любое движение мгновенно отдавалось резкой болью в левом плече и руке, поэтому за последние несколько недель ей пришлось до совершенства оттачивать способность более или менее безболезненно переворачиваться на правый бок и из этого положения свешивать ноги на пол, чтобы сесть. После всего этого ей приходилось ждать еще несколько минут, пока восстановится сбившееся дыхание.

Прежде чем встать, ей нужно было собраться с силами, потому что это причиняло по-настоящему много боли. За эти шесть недель детектив не просто не смогла привыкнуть к боли, но только еще больше ее возненавидела.

Напряженные мышцы. Воспаленные сухожилия. Нервы на пределе. Роковой выстрел и отрывной перелом. От плечевой кости откололся приличный кусок. Буквально за несколько секунд Ди-Ди получила достаточно повреждений для того, чтобы в сорок четыре года чувствовать себя Железным Дровосеком, неспособным повернуть голову или поднять руку. Сержанту сказали, что хирургическое вмешательство не поможет. Только мужество, терпение и физиотерапия, которая два раза в неделю заставляла ее кричать от боли.

Придется забыть про оружие. Теперь она даже сына не сможет помянуть.

Глубокий вдох. Раз, два, три. Наконец Ди-Ди встала. Движение было настолько резким, что она едва устояла на ногах. Ее чуть не стошнило от боли. Вцепившись правой рукой в спинку кровати и стиснув до скрипа зубы, детектив перебрала в голове несколько отборных крепких ругательств, которые только мог знать полицейский, проработавший двадцать лет в Бостоне. Эти слова заставили бы покраснеть даже матереого дальнбойщика, страдающего от мочекаменной болезни.

Изо всех сил Ди-Ди старалась не повалиться обратно на кровать. Ее покачивало, со лба струился пот, но она всеми силами удерживала себя в вертикальном положении.

Ди-Ди снова спросила себя, какого черта она забыла на месте преступления в столь поздний час? Вот уже шесть недель, как она не может найти ответа на этот вопрос. Ди-Ди получила самое тяжелое ранение в своей жизни, поставила под угрозу карьеру и принесла

лишние проблемы в семью, но она так и не смогла объяснить собственное поведение в ту ночь.

Шесть недель назад детектив, как обычно, поехала на работу. А все остальные события того дня так и остались для нее загадкой.

Еще тридцать минут ушло на то, чтобы почистить зубы и привести в порядок волосы. Ди-Ди с радостью бы приняла душ, но для этого ей нужна помощь Алекса. Он в этом плане очень заботлив. Скажем так, он согласился бы сделать для жены что угодно, пока на ней не было одежды. Его глубокие голубые глаза лучились вниманием и поддержкой. Как будто Ди-Ди внезапно превратилась в хрустальную фигурку и теперь с ней нужно обращаться крайне осторожно.

В свой первый день дома, после выписки из больницы, детектив заметила, как муж смотрит на ее всю в темных синяках спину, и его взгляд был...

Ошеломленным. Шокированным. Напуганным.

Тогда она не сказала ему ни слова, и Алекс через секунду продолжил смывать шампунь с ее светлых волос. Стоило мужу коснуться ее плеча, как Ди-Ди тут же зашипела от боли, а он отдернул руку, как от раскаленной сковороды.

Алекс помогал ей в решении всех повседневных задач. А Ди-Ди, в свою очередь, чувствовала, что превращается в жалкую тень детектива Уоррен, во второго ребенка, о котором должен заботиться ее супруг.

В глубине души Ди-Ди знала, что удача на ее стороне, но разум отчаянно отрицал этот факт.

Пора одеваться. Боль в левой руке мешала натянуть одну из своих футболок, поэтому пришлось взять огромную фланелевую рубашку Алекса. Просунув здоровую руку в рукав, детектив прижала левую поплотнее к туловищу. Ей не удалось застегнуть средние пуговицы, только верхние. Однако она решила, что этого достаточно, чтобы сходить позавтракать.

Идти оказалось не так уж и больно. Самое трудное было принять вертикальное положение, а потом, пока Ди-Ди удавалось держать плечи и спину ровно, шея и левая рука особо не давали о себе знать. Вцепившись правой рукой в перила, она осторожно спускалась по лестнице. В последний раз, когда ей пришлось самостоятельно пользоваться лестницей, та ее подвела, так что больше Ди-Ди не могла им доверять.

Баю-баюшки-баю, в кроне древа на краю...

Великолепно. Очередное утро, когда в голове крутится эта жуткая колыбельная.

Дойдя до гостиной, Ди-Ди вдруг услышала доносящиеся из кухни голоса. Двое мужчин говорили о чем-то почти шепотом. Может, ее свекор заглянул на чашечку кофе? Примерно полгода назад родители Алекса переехали в Бостон, чтобы почаще видеться со своим единственным внуком. Сначала Ди-Ди переживала, ведь даже ее родители жили во Флориде, и всех это вполне устраивало. Но родители Алекса, Боб и Эдит, быстро доказали, что они такие же добродушные, как их сын. К тому же малыш Джек просто обожал их, а учитывая рабочий график супругов, никогда не помешает иметь поблизости бабушку с дедушкой, которые в случае необходимости с радостью посидят с внуком. Разумеется, Ди-Ди предпочла бы, чтобы они помогли с Джеком по причине того, что ее вызывают на работу, но уж никак не из-за того, что она стала законченным инвалидом, который даже одеться не может без чужой помощи. Впрочем, это мелочи.

Оба собеседника, очевидно, старались не разбудить ее. Ди-Ди расценила их тихий диалог как приглашение войти.

– Доброе утро.

Алекс мгновенно поднялся со своего места за круглым кухонным столом. Он разговаривал не со своим отцом, а с коллегой жены, Филом. Узнать его по голосу оказалось значительно труднее. Лицо Алекса сразу озарила теплая улыбка. Совершенно ясно, что он давно

на ногах, успел сходить в душ, побриться и отвести в сад их сынишку. На нем была рабочая форма – темно-синяя рубашка, заправленная в штаны защитного цвета. Рубашка подчеркивала темные глаза и черные с проседью волосы. «Красавец», – подумала Ди-Ди уже в который раз. Симпатичный, умный, преданный сыну и чуткий к потребностям своей половинки.

Напротив Алекса сидел Фил, давний коллега Ди-Ди с редкими каштановыми волосами. Еще в старшей школе Фил женился на своей подруге Бетси, и теперь он отец четверых детей, который однажды заявил, что поступил в бостонский отдел по расследованию убийств, чтобы отделаться, так сказать, малой кровью.

Ди-Ди подозрительно на них посмотрела.

– Чашку кофе? – бодрым голосом спросил Фил. Он явно избегал ее взгляда: отодвинул в сторону свой стул и отвернулся к кофейнику.

– Не держите меня за дуру, – бросила Ди-Ди.

Уголки губ Алекса слегка дернулись вверх.

– О чем ты? – Фил с сосредоточенным видом все еще пытался налить кофе в огромную кружку.

– Вряд ли вы тут в карты играли. И не думаю, что решили устроить холостяцкую вечеринку. Единственное, о чем вы могли говорить, – обо мне.

Фил налил кофе, осторожно поставил кофейник на место, медленно поднял дымящуюся кружку и так же медленно повернулся к коллеге. Ди-Ди выдвинула стул и, поморщившись от боли, резко села. Внезапно она поняла, что не хочет знать, о чем именно говорили мужчины.

Алекс больше не улыбался. Вместо этого он перегнулся через стол и нежно положил ладонь на здоровую руку жены.

– Выспалась?

– Еще бы. Спала как убитая. В жизни не чувствовала себя такой отдохнувшей. Вот бы еще раз свалиться с лестницы, чтобы можно было еще дольше поваляться в постели.

Ди-Ди снова повернулась к Филу. Если из этих двоих кто и проговорится, так это именно он. Стоит начать выспрашивать, как Фил наверняка все выложит.

– ВППО? – вкрадчиво поинтересовалась Ди-Ди, пока коллега стоял перед ней, покачивая в ладонях кружку с кофе.

На языке полицейских ВППО означает «выяснение причины применения оружия». Каждый раз, когда сотрудник полиции пускает в ход пистолет, особенно если ночью на месте преступления он палит по неизвестной цели, проводят ВППО, то есть выясняют все детали дела и определяют, действовал офицер согласно ситуации или нет.

К тому времени как Ди-Ди пришла в сознание в больнице, следственная группа уже забрала пистолет с места преступления, так что будущее ее карьеры зависело теперь от отчета, который следователи отправят в Бюро профессиональных стандартов.

Коллеги просили сержанта не волноваться. Скорее всего, пистолет выстрелил, когда летел вниз по лестнице. Только вот вряд ли он мог вот так запросто выпасть из застегнутой кобуры. Да и сама Ди-Ди не могла случайно нажать на спусковой крючок, падая спиной вниз со второго этажа, и произвести при этом три прицельных выстрела.

Ди-Ди сознательно применила табельное оружие. Против чего-то. Или кого-то.

Даже она не до конца все понимала.

И все же, во что или в кого детектив могла выстрелить и действительно ли на то была причина? Ведь ее напарники больше никого не нашли на месте преступления. Только Ди-Ди в бессознательном состоянии в прихожей дома Кристин Райан и три пулевых отверстия в стене. Одна из пуль пробила гипсокартонную перегородку насквозь. Слава богу, что никто не пострадал. Только вот соседи не восприняли это с энтузиазмом. Какого черта коп стрелял в квартире, где недавно убили их соседку, и вообще...

Отчет в Бюро профессиональных стандартов содержал информацию не только о действиях сотрудника, но еще и о том, как эти действия отразились на репутации всего отдела.

Карьера Уоррен была под угрозой, и она это знала. Единственной причиной, почему вся эта ситуация не дошла до руководства раньше, стало тяжелое состояние Ди-Ди, потребовавшее немедленной госпитализации. В отделе не спешили возвращать ее на работу. Да и доктора уже сказали, что вряд ли она скоро сможет вернуться на службу.

– Пока все тихо, – сказал Фил.

– Неужели.

– Думаю, это хороший знак, – быстро продолжил он. – Если бы у следователей появились доказательства твоей вины, руководство бы немедля вышвырнуло тебя с должности. Отсутствие новостей – это уже хорошая новость.

Ди-Ди посмотрела на напарника, пытаясь по выражению его лица определить, верит ли он сам тому, что говорит.

– Как плечо? – спросил Фил.

– Спроси об этом лучше месяца через три.

– Так долго?

– Ну, я ведь уже не девочка. Зато я продолжаю ходить на физиотерапию и испытывать свое терпение на прочность.

Фил подозрительно посмотрел на коллегу; он проработал с ней бок о бок довольно долго, чтобы понять, насколько велико ее терпение.

– Точно, – подтвердила Ди-Ди его мысли.

– Больно?

– Большую часть времени, но иногда все не так плохо.

– А разве обезболивающие не должны помогать?

– Черт, в больнице мне навывписывали кучу лекарств. Но ты же знаешь меня, Фил. Зачем облегчать свои страдания, если я могу поделиться ими с кем-нибудь еще?

Фил кивнул. Алекс сжал крепче ладонь жены.

– Сегодня у меня встреча с новым доктором, – продолжила Ди-Ди, неуклюже пожав плечами. – Какой-то психотерапевт, который специализируется на ментальном подавлении боли. Победа духа над плотью и прочая чушь. Кто знает, может, чему-нибудь научусь.

– Это неплохо. – Фил наконец осторожно поставил кружку кофе на стол, чтобы Ди-Ди могла взять ее здоровой рукой. Миссия выполнена, и теперь он, казалось, не знал, чем себя занять.

– Если ты пришел сюда не из-за отчета по применению мной оружия, то из-за чего? – тихо спросила Ди-Ди. – Зачем ты пришел?

Фил отвел взгляд, а Алекс снова сжал ладонь супруги. Ди-Ди закрыла глаза и приготовилась услышать о том, чего боялась все это время.

– Произошло очередное убийство.

– Я так и знала.

– Так же изрезанная кожа. Роза на животе жертвы. Бутылка шампанского на прикроватной тумбочке.

– Ясно... Тебе нужно, чтобы я кое-что вспомнила, – предположила Ди-Ди. – Ты здесь не как мой напарник, не так ли, Фил? Ты пришел ко мне не как к полицейскому, а как детектив к свидетелю. Тебе нужно знать, что я видела той ночью.

Напарник ничего не ответил. Алекс продолжал поглаживать руку жены.

Взгляд Ди-Ди остановился на кружке с кофе.

– Все в порядке, – прошептала она. – Я все понимаю. И, конечно, я тебе помогу. Сделаю все, что в моих силах.

«Бывший детектив Ди-Ди Уоррен», – подумала сержант. И снова напомнила себе, что удача всегда на ее стороне. Только вот разум отчаянно отрицал этот факт.

Глава 3

В понедельник на час дня у меня была назначена встреча с новой пациенткой, и я сразу же поняла, что детектив Ди-Ди Уоррен является прирожденным скептиком.

Меня это ни капли не удивило. Я имею уже достаточно много опыта в этой сфере, чтобы привыкнуть к общению с людьми, работающими в группах быстрого реагирования, – полицейские, аварийщики, пожарные. Всё это люди, преданные своей работе, требующей от них как физической, так и психологической стойкости. Люди, которые чувствуют себя в своей стихии, находясь в самой гуще событий, принимая трудные решения, проводя различные операции, контролируя ход игры.

Иными словами, те, кто ненавидит находиться в стороне от дел, пока психиатр в костюме за тысячу долларов объясняет, что первый шаг на пути преодоления боли – это принятие. То есть с болью необходимо смириться. Возможно, даже дать ей имя. Постараться к ней привыкнуть.

– Вы это серьезно? – усмехнулась детектив Уоррен.

Она неподвижно сидела на самом краешке жесткого деревянного стула, хотя рядом стояла довольно удобная кушетка. Даже не заглядывая в ее медицинскую карту, я могла сказать, что она страдает от острой боли в шее и левом плече. Это ясно по ее напряженной позе, по тому, как она старалась не крутить головой, а поворачивать весь корпус, чтобы оглядеть кабинет. Не говоря уже о плотно прижатой к туловищу руке, словно эта женщина пыталась защитить себя от возможного удара.

Я подозревала, что блондинка-детектив вряд ли будет отличаться чрезмерной учтивостью, и оказалась права. Передо мной сидела сурового вида дама с плотно сжатыми губами и впалыми щеками, под глазами залегли темные синяки. Все это делало детектива Уоррен намного старше ее сорока четырех лет.

– В основе моей практики лежит модель внутренних семейных систем, – терпеливо объяснила я.

Женщина вскинула бровь, но ничего не сказала.

– Одно из основных положений ВСС заключается в том, что человеческий мозг может быть условно разделен на несколько частей. Первая и самая важная – это «Я», которое управляет всеми другими частями мозга. Когда ваше «Я» осознает свою индивидуальность и преимущество над другими частями системы, вы легко сможете подчинить себе собственную боль.

– Я упала с лестницы, – равнодушно произнесла Ди-Ди. – Если мое «Я» должно было это как-то предотвратить, то уже слегка поздно.

– Позвольте задать вам один вопрос. Вам больно?

– Вы имеете в виду – прямо сейчас?

– Именно.

– Ну да. По словам врачей, мои собственные сухожилия оторвали кусок кости от левой руки. Не самые приятные ощущения.

– На сколько бы вы оценили свою боль по шкале от одного до десяти? Единица означает легкий дискомфорт, десять – самую ужасную агонию, которую вы только можете себе представить...

Детектив поджала губы:

– Шесть.

– Значит, немного выше среднего.

– Разумеется. Просто надо оставить небольшой запас. Сегодня вечером предстоит принять душ, так что цифра поднимется до семи. Затем ночь без сна, которую я бы оценила на

восемь, потому что, едва заснув, я то и дело переворачиваюсь на левый бок, что причиняет жуткую боль. Ну и, конечно же, завтра утром мне еще предстоит встать с постели, а это уже потянет на девятку.

– А что тогда, по-вашему, можно оценить в десять баллов?

– Пока не знаю, – кратко ответила Уоррен. – Я еще не успела разобраться во всех тонкостях, но могу сказать одно: психотерапевты для того и существуют, чтобы это выяснить.

Я улыбнулась:

– Думаю, многие мои пациенты с вами бы согласились.

– Я знаю об этой шкале, – сказала Ди-Ди. – Рассел Илг, мой персональный мучитель, уже меня с ней познакомил. «Представляй боль не как одну точку, а как целый спектр. В какой области спектра ты находишься прямо сейчас, в течение дня, недели? К тому же вместо того чтобы просто чувствовать боль, ты можешь проверить на себе все разнообразие физической муки». Или что-то вроде того.

– То есть он заставлял вас оценить уровень боли по этой шкале?

– Да. Рассел поднимает мою левую руку. Я кричу. Он просит меня сделать глубокий вдох, но я продолжаю кричать. Затем он спрашивает, тянет ли боль на восьмерку. Я говорю «нет», и он поднимает руку еще на пару сантиметров выше. – Ди-Ди больше не смотрела на меня. Ее взгляд замер где-то в одной точке на стене чуть в стороне от моего правого плеча. При этом она начала беспокойно покачивать ногой в воздухе.

Я просмотрела медицинские отчеты. Отрывной перелом, который детектив получила при выполнении задания, – очень редкое и особенно болезненное ранение. Для его лечения требуется еще более мучительное средство – физиотерапия. Она включает в себя огромное количество тяжелых упражнений, необходимых для того, чтобы сохранить подвижность плечевого сустава и в то же время уменьшить количество рубцовой ткани в течение восстановительного процесса.

Согласно медицинской карте, физиотерапевт работал с детективом дважды в неделю. Скорее всего, в конце каждого такого сеанса Ди-Ди уже не могла сдерживать слезы.

Мне стало интересно, что должна чувствовать в таком состоянии женщина, привыкшая всегда лично контролировать ситуацию.

– Получается, вам уже не в первый раз приходится оценивать свою боль? – уточнила я. Уоррен неопределенно дернула головой.

– И как часто вы это делаете? – с нажимом спросила я.

– Ну, когда Рассел просит.

– То есть во время сеансов физиотерапии?

– Да.

– А дома? Скажем, вы просыпаетесь среди ночи, потому что плохо себя чувствуете.

Что вы делаете в таких случаях?

Ди-Ди замешкалась.

Я не стала давить.

– Я говорю себе, что надо попытаться заснуть, – наконец ответила она.

– И это помогает?

Ди-Ди снова неопределенно кивнула.

– Вам все это нужно? – резко спросила я.

Женщину, похоже, этот вопрос озадачил.

– Что вы имеете в виду?

– Наш сегодняшний сеанс. Вам нравится сидеть в этом кабинете, беседовать со мной?

Детектив оторвала взгляд от стены и испытующе посмотрела на меня. В ее глазах читалось что-то бунтарское. Примерно этого я ожидала. Некоторые люди преувеличивают свою

боль. Другие, наоборот, пытаются ее игнорировать. Несложно понять, к какому типу принадлежит Ди-Ди Уоррен.

– Нет, – напрямик ответила она.

– Тогда зачем вы пришли?

– Я хочу вернуться на службу. Мне нравится моя работа. – Теперь голос моей пациентки звучал скорее настороженно, чем враждебно.

– Вы ведь расследуете убийства, верно?

– Да.

– И вам это нравится?

– Я люблю свою работу.

– Понимаю. Ваше состояние, неспособность вернуться на службу... вам должно быть тяжело.

– Я всего лишь на больничном, – бодро заявила детектив. – Хотя условия могли бы быть попроще: заболел – сиди дома, поправишься – вернешься на работу. Но, как и все бюрократы, руководство департамента любит все усложнять. Ведь если даже плечо и выздоровеет, то что насчет головы? Вдруг я уже не тот хладнокровный детектив, каким была раньше? Возможно, я и смогу преодолеть все эти трудности без последствий. Но что, если нет? Что, если теперь я буду постоянно бояться идти на задания, переживать, что могу снова повредить плечо или шею? Руководство не желает моего возвращения на службу, но я не хочу торчать дома. Конечно, их можно понять, и все же...

– То есть вы здесь, чтобы уважить свое начальство.

– Что-то в этом роде. Заместитель начальника отдела лично вручил мне вашу визитку. Я поняла намек.

– И каков ваш план? – спросила я, подавшись вперед. Меня обуяло искреннее любопытство. – Вы же понимаете, вам придется посетить больше одного занятия. Никто не поверит, что вам хватило всего одного сеанса. А шесть сеансов, пожалуй, многовато. Предлагаю остановиться на трех. Вы заглянете ко мне еще три раза, и затем я освобожу вас от необходимости посещать психотерапевта.

Впервые за все это время мои слова впечатлили детектива.

– Я тоже подумала, что три занятия – самый удачный выбор.

– И оказались правы. Так и есть. Но вы должны относиться к нашим встречам со всей серьезностью. Таково мое условие. Вы не обязаны верить каждому моему слову, но пока не пройдут эти три занятия, вы будете меня по крайней мере слушаться. И делать домашние задания.

– Домашние задания?

– Точно. Для начала придумайте для своей боли имя.

– Чего? – Я снова полностью завладела вниманием детектива; скорее всего, она просто решила, что я ненормальная.

– Дайте своей боли имя. И в следующий раз, когда вы проснетесь посреди ночи, вместо того чтобы пытаться снова уснуть, обратитесь к своей боли по имени. Поговорите с ней и попробуйте услышать то, что она, возможно, захочет вам сказать.

– Типа «подай мне, пожалуйста, перкоцет»?² – буркнула Ди-Ди.

Я улыбнулась.

– Кстати, о лекарствах. Вы что-нибудь принимаете?

– Нет.

– Почему?

Снова это неопределенное движение, то ли детектив кивнула, то ли покачала головой.

² Перкоцет – обезболивающий препарат.

– Скажи наркотикам нет и все такое прочее. По рецепту, не по рецепту... между нормальной жизнью и наркотической зависимостью от лекарств проведена жирная черта, и я не хочу ее пересекать.

– Значит, вы просто боитесь пить таблетки?

– С чего вы взяли?

– Многие боятся. Боятся влияния препаратов на их организм, боятся зависимости. Я никого не осуждаю. Мне просто интересно.

– Все легко и просто. Я не люблю таблетки. Терпеть их не могу.

– Считаете себя сильнее этой боли? Думаете, что таблетки вам не нужны?

– Вы загоняете меня под стереотипы.

– А вы избегаете моего вопроса.

– Правда, что вы не можете чувствовать боль?

Я улыбнулась, откинулась на спинку стула и бросила взгляд на часы:

– Двадцать две минуты.

Уоррен была отнюдь не глупа. Она тоже посмотрела на часы, висящие прямо над моим столом, и нахмурилась.

– Вы же детектив, – продолжила я. – Естественно, что вы решили нарыть обо мне побольше информации. Вы могли почерпнуть многое из «Бостонского вестника», не говоря об огромном количестве научных публикаций, авторы которых проявили изрядный интерес к моей особенности. А теперь вы нашли подходящий момент, чтобы применить свои знания, отвлечь меня таким образом и уклониться самой от ответа. Лучшая мера защиты – нападение, не так ли? – Мой голос звучал холодно. – К вашему сведению, детектив, я не могу испытывать каких-либо проявлений физической боли. А это значит, что самое лучшее для меня – сосредоточиться на вашей. Я ответила на вопрос, теперь ваша очередь. Вы считаете себя крепким человеком?

– Да, – выдавила Ди-Ди.

– Но эта боль в плече и спине делает вас неповоротливой, не так ли?

– Я даже голову не могу помыть без посторонней помощи!

Я выжидающе посмотрела на собеседницу.

– Доктора все твердят как один – ты поправишься. Это делай так, а это вот так, но тем не менее я даже спать нормально не могу. Не могу пошевелиться, не могу в свое удовольствие поваляться в постели, потому что теперь я просто ненавижу свою гребаную постель. Вы не представляете, каких усилий мне стоит лечь в нее, а потом встать. Я как старое разбитое корыто, к тому же еще и практически без работы. Недоело это дерьмо!

Женщина закрыла лицо руками.

– Черт возьми, кусок дерьма, ненавижу, ненавижу, мать твою!

– Мелвин, – посоветовала я.

– Что? – Ди-Ди подняла голову, в ее глазах мелькнул полудикий блеск. За свою карьеру я уже много раз видела такой взгляд – как у загнанного в угол зверя.

– Мелвин, – спокойно повторила я. – Думаю, вы можете назвать свою боль Мелвином. Ненавистный кусок дерьма Мелвин. И каждый раз, когда он вас побеспокоит, накричите на него. Придумайте побольше ругательств. Почему бы и нет? Может, вам и правда станет лучше. Осознайте свое превосходство над Мелвином, и ваше «Я» станет гораздо сильнее. Вам ведь этого не хватает? Чувства силы, самодостаточности?

– Мелвин, – пробормотала Ди-Ди.

– Как вариант. Вы можете выбрать и другое имя, которое вызывает у вас более сильные эмоции.

– Напомните, сколько вы берете за час?

– У меня же докторская степень и вообще, – усмехнулась я.

– Мелвин. Боже, мою боль зовут Мелвин.

– Модель внутренних семейных систем разделяет мозг на четыре основные части. Главная из них – «Я», естественный лидер системы. Следующая – Изгнанники, туда входят несчастный случай и боль. Вы не готовы с ними сотрудничать, поэтому отвергаете их. К сожалению, Изгнанники не хотят, чтобы о них забывали. Они будут облекать себя в форму злости, страха, печали и стыда до тех пор, пока их не услышат. И когда Изгнанники дают о себе знать, в дело вступают Пожарные. Они борются с болью классическими методами: злоупотреблением алкоголем или таблетками, обжорством и другими доступными средствами, способными хотя бы на время приглушить постоянную боль. Наконец, есть Администраторы. Они также пытаются бороться с болью, только уже путем чрезмерного контролирования ситуации. Самобичевание, ненависть – все это результат работы Администраторов. Короче говоря, Изгнанники вызывают эмоциональный стресс, что, в свою очередь, провоцирует Пожарных на акт саморазрушения, а Администраторов – на репрессию «Я». И так будет повторяться снова и снова, изо дня в день, пока ваше «Я» не возьмет верх над ситуацией.

– Я упала с лестницы, – сказала Ди-Ди.

– Да.

– Не вижу здесь никакой связи с Изгнанниками, Пожарными и Администраторами. Ах да, и с моим эго – тоже.

– Падение – это несчастный случай. Оно причинило боль и спровоцировало к тому же страх, немоть и бессилие.

Детектив слегка пожала плечами.

– Все эти эмоции – ваши Изгнанники, – мягко добавила я. – Они истошно вопят в надежде, что вы их услышите. Пожарные в данном случае могут отвечать за потребность в алкоголе или злоупотребление медицинскими препаратами...

– Я ничего не принимаю!

– Также власть могли захватить Администраторы, – продолжила я. – И теперь они управляют всей системой, контролируя и осуждая ваше отношение к боли. Даже требуя, чтобы вы пытались ее игнорировать.

Глаза Ди-Ди расширились. Она смотрела на меня так целую минуту. Затем взгляд вернулся к норме.

– Изгнанники хотят быть услышанными, – проговорила она. – Поэтому я должна разговаривать с болью.

– С Мелвином. Дело в том, что с теми, у кого есть имя, общаться гораздо проще.

– И что же скажет Мелвин? «Привет, мне больно. У меня нет никаких сил. Я ненавижу лестницы». А я отвечу: «Ну ладно». И все? Боль уйдет?

– Ваша боль станет более послушной. К тому же вы ослабите давление на остальных участников системы, если ваше «Я» выйдет на первое место. Не забывайте, ученые занимаются изучением особенностей физической боли уже не первый год. Одно из наиболее интересных открытий состоит в том, что все люди так или иначе страдают от боли, но мало кто обращает на нее внимание. Проще говоря, все зависит от вашего к ней отношения.

– Знаете что, – начала детектив, – это самая длинная лапша, которую мне когда-либо вешали на уши.

– Тем не менее вы все еще здесь. Первый сеанс окончен, осталось еще два.

Ди-Ди снова неуклюже повела плечами и медленно встала со стула.

– Гребаный Мелвин, – выдохнула она. – Хм, я словно посылаю его подальше.

– Детектив, – опомнилась я, когда она уже открыла дверь. – Учítывая, что у нас осталось всего два сеанса, подскажите мне вашу главную цель. Чего вы хотите более всего в данный момент? Мне нужно это, чтобы определить, в каком направлении мы должны двигаться.

– Я хочу вспомнить, – тотчас ответила Уоррен.

– Вспомнить... что?

– Ту ночь.

Женщина вопросительно посмотрела на меня:

– Это же все только между нами, верно?

– Разумеется.

– Хочу вспомнить ту ночь. Я тогда была на очередном вызове, расследовала убийство. Помню, как упала с лестницы. Помню, что в кого-то стреляла. Проблема в том, что я не помню, в кого именно и вообще – что я так поздно делала на месте преступления.

– Любопытно. У вас было сотрясение?

– Да. Врачи говорят, что именно поэтому я все и забыла.

– А что последнее вы помните с той ночи?

Ди-Ди долго не отвечала, мне даже показалось, что она не услышала вопроса.

– Запах крови, – прошептала она наконец. – Чувство падения. Сронит ветер, не шутя, колыбельку и дитя...

– Детектив Уоррен?

– Да?

– Когда посреди ночи вы закончите проклинать Мелвина, я хочу, чтобы вы задали ему вопрос. Я хочу, чтобы вы спросили, почему он отказывается вспомнить.

– Вы серьезно?

– Предельно. Затем успокойте его. Скажите, что все хорошо, вы в безопасности и теперь готовы вспомнить...

– Ту ночь?

– Да. Но вы должны быть готовы, детектив Уоррен. Наверняка у Мелвина есть серьезные причины, чтобы скрывать от вас эти воспоминания.

Глава 4

– Мою боль теперь зовут Мелвин.

– Это лучше, чем Уилсон, – заметил муж, Алекс Уилсон, – или, например, Хорган.

Заместитель начальника отдела по расследованию убийств Кэл Хорган был шефом сержанта Уоррен.

– Да ладно тебе. Конечно, вы двое у меня как заноза в заднице, но до Мелвина вам далеко.

Ди-Ди направилась к мужу, который уже стоял на крыльце скромного кирпичного дома. Поздний вечер. Солнце почти скрылось, холодный воздух обжигал легкие изнутри. Уоррен оставила машину в трех кварталах отсюда. Так что со стороны ее можно было принять за владельца одного из местных домов, который поздно возвращается с работы. Или за раненого детектива, совершенно случайно решившего прогуляться по кварталу, где совсем недавно совершили убийство.

Зря она сюда приехала. К тому же у нее нет права здесь находиться.

Тем не менее, покидая кабинет своего нового врача, Ди-Ди точно знала, что должна побывать на новом месте преступления. Опустившись на водительское сиденье, она аккуратно перекинула через себя прилаженный Алексом с внутренней стороны двери ремень, и, осторожно потянув его, немного неуклюже захлопнула дверь, стараясь не потревожить больное плечо. Этот процесс всегда был медленным, неудобным и утомительным.

Зато у Ди-Ди было много времени, чтобы хорошенько все обдумать.

Не торопясь, она вставила ключ в зажигание и потихоньку начала сдавать задним ходом.

Внезапно возникло острое чувство дежавю. С ней уже происходило подобное. Всю дорогу до места преступления Ди-Ди уговаривала себя вернуться домой, но все равно продолжала ехать вперед.

Ну конечно. Подобное происходило с ней большую часть ее сознательной жизни.

Единственная разница заключалась в том, что в этот раз ее муж стоял перед домом убитой. Приезд Ди-Ди его ни капли не удивил.

– Как прошла встреча с доктором? – спросил он, поднимая желтую оградительную ленту так, чтобы она тоже могла взойти на крыльцо.

– Теперь я должна разговаривать с болью. Что ты об этом думаешь?

– И боль будет отвечать?

– Разумеется. Такова ее природа.

– Интересно. – Алекс улыбнулся.

– А как по мне, так полная чушь, – отрезала Ди-Ди.

Еще минуту они постояли на крыльце. Лицо Алекса не выражало никаких эмоций, а взгляд, как всегда, был спокойным. Ди-Ди, наоборот, чувствовала, как, сбиваясь с ритма, бешено колотится сердце в ее груди. «Это все из-за боли», – сказала она себе. Процедура физического самоисцеления требовала от нее столько сил и энергии, что даже подъем всего на три чертовых ступеньки оказался едва посильной задачей.

– Ты сам приехал или тебя вызвали? – наконец спросила детектив. – Им нужна твоя помощь?

Алекс преподавал в полицейской академии основы проведения следственного анализа, но к нему также обращались за помощью в расследовании, а иногда, чтобы не потерять навык, он выезжал на место преступления по собственному желанию. Много лет назад во время такого выезда он и встретил Ди-Ди.

В одном из небольших домов, ничем не отличающемся от этого, мужчина средних лет убил всю свою семью, а затем пустил себе пулю в лоб. До сих пор Ди-Ди помнила этот день. Она шла по кровавым следам, в то время как Алекс читал историю убийства в каждой лужице, в каждой капле крови. Подкравшись сзади, убийца одним ударом перебил своей жене позвоночник и оставил ее умирать на полу в прихожей. Затем он принялся за старшего сына. Семнадцатилетнему парнишке-легкоатлету хватило одного удара ножом в правое под-реберье. И, наконец, двое младших, от страха забившихся в дальний угол своей спальни. Одному из них удалось сбежать, но это только сильнее разозлило отца и повлекло еще более страшную смерть.

– Я знал, что ты приедешь, – просто сказал Алекс.

– Выгонишь меня? Отправишь сидеть в машине, где мне самое место?

Алекс в ответ улыбнулся. Он легко провел рукой по щеке жены, а затем заправил прядь выбившихся светлых волос ей за ухо.

– С тем же успехом я мог бы попросить ветер перестать дуть. Идем, Ди-Ди. Ты права, бостонской полиции нужна помощь. А поскольку ты моя жена и к тому же детектив, почему бы нам не пойти туда вместе?

– Именно поэтому я назвала свою боль Мелвином, а не Уилсоном, – с чувством сказала Ди-Ди.

Однако Алекс помрачнел:

– Я бы на твоём месте все же не радовался.

Войдя в неосвещенную прихожую, Ди-Ди первым делом почувствовала запах крови. Очередное дежавю. Вдыхая этот едкий запах, она без труда могла представить, что входит в квартиру Кристин Райан. Еще не опустив взгляд, Ди-Ди знала, что ей предстоит увидеть нечто жуткое. Через секунду она с дрожью осознала, что смотрит на труп молодой женщины. Ее кожа, изрезанная на длинные, скрученные ленточки, аккуратно лежала рядом с телом.

Алексу придется исследовать жертву. Не пол, не стены, не лестницу, никакие другие предметы, подлежащие криминалистическому анализу, а именно ее. Он склонился над трупом, и именно это заставило Ди-Ди взять себя в руки. Она сделала глубокий вдох, и ее лицо мгновенно приобрело задумчиво-серьезное выражение.

Алекс указал на контейнер возле стены. В нем лежали бахилы и сеточки для волос, предназначенные для всех присутствующих следователей, – дополнительная мера, которую обычно принимают, чтобы случайно не уничтожить или не испортить улики.

Картина преступления отличалась от предыдущей. В тот раз место убийства выглядело пугающим по большей части из-за пропитанного кровью матраса. А здесь...

Ди-Ди надела бахилы поверх туфель на низком каблучке. Огромные синие бахилы без труда можно было нацепить одной рукой, но вот сеточка для волос требовала изрядной сноровки. Детектив не могла представить, каким образом можно ее надеть, одновременно собрав все непослушные пряди. Алекс снова пришел на помощь: его пальцы, легко скользя, быстро собрали под сеточку небольшие колечки коротких светлых волос. Пока он колдовал над женой, та стояла не шевелясь, чувствуя, как его дыхание щекочет шею. Впервые за долгое время они оказались так близко друг к другу, если не считать тех моментов, когда Алекс помогал ей принимать душ.

– Смотри, – пробормотал он и указал на стену возле лестницы.

Проследив за направлением руки, Ди-Ди сразу же заметила его – темное пятно на светлой краске, прямо над нижней ступенькой. Первый след от крови.

– И вот здесь. – Теперь Алекс показывал на пол, в нескольких сантиметрах от левой ноги жены. Из-за тусклого света приходилось напрягать зрение, но здесь след был более крупным и отчетливым.

Ди-Ди наклонилась, чтобы получше его разглядеть, а Алекс протянул ей фонарь. Едва осветив след, детектив не смогла сдержать удивленный возглас:

– Отпечаток лапы!

– У жертвы была собака по кличке Лили. Судя по луже крови возле лестницы, Лили – мелкая пушистая псина.

Присмотревшись получше, Ди-Ди поняла, что Алекс имел в виду. Пятно, размазанное по полу, напоминало некий узор из тонких красных линий, словно его нанесли пропитанной кровью кисточкой. Скорее всего, собака спала прямо рядом с трупом хозяйки, и все эти кровавые узоры на полу и местами на стенах – дело ее рук, а точнее, лап.

– Ты прав, – согласилась Ди-Ди. – Лили – мелкая и пушистая.

Теперь Ди-Ди поняла, зачем нужны бахилы. Хоть и случайно, но Лили уже попортила место преступления, нельзя допустить, чтобы еще и детективы внесли свою лепту.

Алекс направился прямо к лестнице, но Ди-Ди его остановила. Ей нужна еще минута, чтобы собраться с духом, составить впечатление о доме и о женщине, которая здесь жила.

Скромного вида прихожая; детектив только сейчас заметила в ней полочку с цветочным орнаментом, как попало заваленную обувью. Там были и сапоги, и ботинки, и несколько пар туфель на высоком каблуке. В основном же практичная женская обувь тридцать восьмого размера нейтральных оттенков, коричневого и черного.

Из прихожей сразу можно было попасть в небольшую гостиную со слегка затертым, выдавшим виды серовато-зеленым диваном и пуфиком в тон. На диване валялся шерстяной плед, а на пуфике лежало собачье покрывало. На кресле высилась груда одежды – девушка просто не успела ее убрать? – а рядом стоял средних размеров плазменный телевизор.

Из гостиной Ди-Ди прошла в старомодную кухню в стиле семидесятых, образ которой дополнялся продавленным местами линолеумом и желтовато-зеленой духовкой. Только, в отличие от прихожей и гостиной, это место выглядело стерильно чистым. На столе стояли кофеварка и крохотная микроволновая печь. В раковине одиноко лежали тарелка, вилка, нож и кружка. В этой кухне определенно отсутствовала атмосфера, ее использовали от силы раз в сутки, чтобы приготовить что-нибудь на скорую руку. Ди-Ди это четко отметила: до того, как она вышла замуж за Алекса, ее кухня выглядела точно так же.

Алекс проводил жену обратно в прихожую.

– Полагаю, она медсестра, – вслух размышляла Ди-Ди. – Зарабатывает достаточно, чтобы не умереть с голоду и даже позволить себе купить небольшой дом, но недостаточно, чтобы сделать в нем ремонт или разориться на мебель из «Поттери Барн»³. Большую часть дня проводит на ногах, поэтому носит практичную обувь. Скорее всего, не замужем или только начала с кем-то встречаться. Но если и так, то на ночь предпочитает оставаться у него, так как это ее территория и она пока не готова с кем-либо ее делить.

Алекс вскинул бровь:

– Почти. Регина Барнс. Сорок два года. Недавно развелась. Работала терапевтом в местном доме для престарелых. Насчет нового приятеля ничего не известно, по крайней мере, соседи никого не видели и следов взлома не обнаружено.

– Может, она познакомилась с ним буквально накануне. Например, через сайт знакомств, вот и впустила его.

Алекс ничего не ответил. Историю браузера и онлайн-активность проверяют следователи. Ему же нужно разобраться с отпечатками собачьих лап и кровавыми следами, ведущими вверх по лестнице.

³ «Поттери Барн» – знаменитый американский сетевой магазин мебели и интерьеров.

– В доме Кристин Райан тоже не было обнаружено следов взлома, – вспомнила Ди-Ди. – И друзья ее говорили, что она бы обязательно им сказала, появишься у нее парень, виртуальный или какой еще. Соседи точно ничего не слышали?

– Ни звука.

Уоррен наугад постучала по стене. Дело в том, что большинство домов в этом районе не могли похвастаться хорошей звукоизоляцией. Шум борьбы не на жизнь, а на смерть, крики – все это не должно было остаться незамеченным.

– Камеры наружного слежения, сигнализация?

– Абсолютно ничего.

– Время смерти?

– Между двенадцатью и двумя часами ночи.

– А что, если он нападает на своих жертв, пока те спят? Поэтому и нет никаких следов борьбы?

– Но как тогда он попадает внутрь?

– Вскрывает замок? – Ди-Ди обернулась и принялась изучать дверной замок.

Как и любая одинокая женщина, живущая в городе, Регина серьезно подошла к вопросу собственной безопасности. Рядом с обычным замком Ди-Ди обнаружила относительно новый металлический шпингалет. Кристин Райан, первая жертва, была такой же предусмотрительной.

Алекс тихо ждал, пока жена придет к тому же выводу, что и он.

– Вполне возможно, – проговорила она. – Хотя ему наверняка пришлось повозиться.

– Думаю, ты права.

– Ведь даже если рассматривать вариант, что она сама его впустила... Одна тарелка, одна чашка. Не очень-то гостеприимно. Ладно, предположим, жертва пригласила некоего друга пропустить перед сном стаканчик чего-нибудь спиртного. Нашлись в кухне или гостиной какие-либо следы его пребывания? Отпечатки пальцев, волосы, частички кожи?

– Отпечатков нет, а волосы и другие возможные следы мы все еще ищем.

Детектив кивнула и склонилась над отпечатком собачьей лапы, в то время как Алекс снова направился к лестнице.

Ди-Ди застыла на месте. Она не могла заставить себя сделать шаг вперед, и еще труднее было подняться по лестнице в хозяйскую спальню. Но ведь именно для этого она здесь. Неужели она так сильно боялась того, что может увидеть наверху? Или все куда хуже? Может, детектив боялась не спальни, а лестницы, ведущей к ней?

Наконец Алекс взял дело в свои руки. Он мигом преодолел первые несколько ступенек, и у Ди-Ди не осталось выбора, кроме как следовать за ним.

По пути наверх фонарь Алекса высвечивал в темноте все больше и больше следов крови. Отпечатки лап, некоторые отчетливые, некоторые едва различимые, их было много – видимо, собака не один раз поднималась и спускалась по лестнице. На самом верху с трудом можно было различить оригинальный цвет пола. Казалось, что кто-то нашел огромную лужу крови и решил вытереть ее, но получилось это у него скверно.

– Надо будет провести несколько экспериментов, может, удастся понять, что именно произошло, – сказал Алекс. – Но, полагаю, здесь кровь тоже собака размазала. Она была напугана, крутилась возле тела, бегала туда-сюда по коридору, а именно тут, думаю, она некоторое время отдыхала. Возможно, ждала, пока кто-нибудь придет.

Ди-Ди стало трудно дышать. «Это все чертовы ступеньки», – снова успокоила она себя. Ее правая рука мертвой хваткой вцепилась в перила, а в груди появилось странное давящее чувство, словно великан изнутри сжимал ее легкие в своей огромной ладони.

Детектив слегка наклонилась вперед и ощутила приступ удушья.

Внезапно перед глазами замелькали белые точки...

Баю-баюшки-баю, в кроне древа на краю...

– Держи меня за руку. Успокойся. А теперь дыши. Вдохни ртом. Раз, два, три, четыре, пять. Медленно выдыхай через нос. Раз... два... три... четыре... пять. Тише, дорогая. Все хорошо.

Прошла минута, а может быть, две, или три, или десять. Ди-Ди стало стыдно. Ее была крупная дрожь, по лицу струился пот. Она буквально чувствовала, как капельки собираются на лбу, скатываются по щекам. На мгновение Ди-Ди охватило непреодолимое желание броситься вниз и сбежать из этого дома. Прочь и прочь, не оглядываясь назад.

Алекс все еще держал ее руку.

– Ты не обязана этого делать, – тихо напомнил он. – Только скажи, Ди-Ди, и мы сразу уйдем отсюда. Я отвезу тебя домой.

Сработало. Голос Алекса был настолько спокойным, в нем было столько понимания, что ничего не оставалось, кроме как, стиснув зубы, идти дальше. Ди-Ди не хотела быть слабой, трусливой женщиной, которой нужна поддержка мужа, чтобы подняться по чертовой лестнице.

Она сделала глубокий вдох, сосчитала до пяти, выдохнула. Затем открыла глаза.

– Прости, – коротко сказала Ди-Ди, глядя куда угодно, только не на Алекса. – Похоже, пора тренировать свое сердце.

– Ди-Ди.

– Вечное лежание в постели не способствует здоровью.

– Ди-Ди.

– Может, вместо того, чтобы разговаривать с болью, заставить ее наворачивать круги? Это станет ей хорошим уроком.

– Хватит.

– Чего?

– Хватит мне врать. Ты можешь обманывать себя сколько угодно, но со мной это не пройдет. Ты в первый раз оказалась на месте преступления после того случая. И это был приступ паники или что-то вроде того...

– Не было у меня никакого приступа!

– Такая своего рода эмоциональная реакция не является чем-то постыдным. Милая, ты же не железная. – Голос Алекса смягчился. – Ты живой человек. Всем людям свойственны страх, боль и неуверенность. Это не делает тебя слабой. Это всего лишь говорит о том, что ты человек.

– Да не было никакой паники, – буркнула Ди-Ди, все еще избегая его взгляда. А затем, чтобы отвлечься от этой темы, спросила: – Кстати, а где собака?

– У соседей, которые, как я понял, уже давно ей как вторые хозяева.

– Она, наверное, вся в крови, да? Собака. Она ведь всю ночь здесь провела... лежала на пропитанном кровью матрасе, на содранной с хозяйки коже...

– Мы в любое время можем пойти домой, Ди-Ди, только скажи.

– Скорее ветер перестанет дуть.

– В каком это смысле?

Вместо ответа детектив улыбнулась, подняла голову и расправила плечи. «Сронит ветер, не шутя, колыбельку и дитя...»

Ди-Ди пошла дальше по коридору.

* * *

Они оставили место преступления относительно нетронутым. Тело, разумеется, вынесли, но пропитанный кровью матрас, бутылка шампанского, меховые наручники – все

это осталось. Даже кровавая простыня, которая теперь была прикреплена к стене. Ди-Ди уже доводилось сталкиваться с таким методом: постельное белье, одежда, части напольного покрытия подвешивались на стены или к потолку прямо на месте преступления, чтобы облегчить процедуру проведения анализа брызг крови. Несмотря на это, ей понадобилось время, чтобы собраться с духом, когда Алекс включил верхний свет, прогоняя мрачные и словно загуставшие тени и представляя тем самым комнату во всем ее кровавом великолепии.

– Я попросил их сохранить как можно больше деталей, – уточнил Алекс, – чтобы у меня была возможность провести анализы непосредственно на месте преступления.

Ди-Ди кивнула. Быть может, у нее просто разыгралось воображение, но ей показалось, что в плече снова проснулась пронизывающая пульсирующая боль.

– Та же бутылка шампанского, – заметила она, стараясь не смотреть на подвешенную простыню.

– Фил уверяет, что убийца все приносит с собой: шампанское, наручники и розу.

– Короче говоря, реквизит, необходимый для его маленькой пьесы.

– Думаю, так и есть, – подтвердил Алекс. – Он ведь берет не просто бутылку любого шампанского и какой-то цветок. Нет, это обязательно «Вдова Клико» и красная роза.

– В этом есть что-то от ритуала. – Ди-Ди уже думала об этом раньше.

Они оба смотрели на результат работы бурной фантазии убийцы. В голову детектива стали пробираться новые мысли – отголоски ночных кошмаров.

– Что насчет ПЗООП? – спросила она.

ПЗООП, Программа задержания особо опасных преступников, представляет собой поисковую базу данных, заполненную информацией об уголовных преступлениях, совершающихся по всей стране. Следователи могут использовать эту систему, чтобы сравнить детали дела, находящегося в их ведении, со сходными преступлениями в других населенных пунктах.

– Уверен, по ней уже все проверили.

– Он хочет, чтобы все было как можно романтичнее, – пробормотала Ди-Ди. – Цветы, шампанское, игрушки. И ситуация всегда должна находиться под его контролем. Нельзя, чтобы хоть что-нибудь пошло не по плану.

Алекс ничего на это не ответил. Он развернулся и направил яркий синий луч фонаря обратно в сторону коридора; в темноте высветились десятки кровавых пятен, в основном это были красные следы собачьих лап. Затем мужчина перевел луч на пол спальни. Ди-Ди сразу заинтересовалась разительным отличием. Вереница следов вела от огромной кровати к двери, а возле прикроватной тумбочки была размазана кровь: очевидно, сам убийца предпринял неудачную попытку убрать за собой.

Иными словами... ничего примечательного.

Здесь, в этой комнате, ставшей основным местом действия для самого жестокого убийцы, о котором Ди-Ди когда-либо слышала, не оказалось почти никаких улик. Ни на полу. Ни на стенах.

– Но... но... – запнулась Ди-Ди, а потом более уверенно произнесла: – Этого не может быть. Нельзя вот так просто разделить человека и при этом самому не испачкаться в крови. Не мог же преступник ходить по этой комнате, не говоря уже о целом доме, и не оставить ни одной зацепки. Даже если бы он здесь с хлоркой все помыл, ты бы все равно что-нибудь да нашел. В этом ведь вся прелесть твоей работы. Кровь может быть не видна невооруженным глазом, но она все равно здесь есть. Просто ждет нужного момента, когда под воздействием голубого света или определенных химических реакций она сможет рассказать свою историю. Здесь, – детектив махнула рукой в сторону относительно чистого участка на полу, – ничего не видно, но я в это не верю.

– Как я уже говорил, полиции нужна наша помощь. – Алекс пошел в глубь комнаты, продолжая светить фонариком во все уголки. – Может, начнем с простыни? Уверен, если убийца где и мог оставить следы, то именно на ней.

Ди-Ди кивнула. По сигналу мужа она послушно выключила верхний свет. В полной темноте легче сосредоточиться на свете от фонаря и чернильно-темных пятнах на простыне.

Брызги крови, Ди-Ди уже это знала, выглядят по-разному в зависимости от силы, с которой убийца наносит своей жертве удар, а также от характера изучаемой поверхности. Так, например, постельное белье в силу своей структуры не дает крови задерживаться и формировать разнообразные узоры, а очень быстро впитывает ее. На этой же белой простыне был всего один-единственный, длинный, почти цилиндрической формы кровавый отпечаток, ближе к концу делящийся на три части. Супруги приблизились, изучая его края.

– Странно, – пробормотала Ди-Ди, – обычно от выстрела появляются мелкие брызги по краям, а здесь нет ничего подобного.

– Жертва не была застрелена. По этим следам видно, что она не получала сильных ударов.

«Это означает, что убийца орудовал ножом», – поняла Ди-Ди и нахмурилась.

– Но здесь вообще ничего нет, даже случайных капель с рукояти или лезвия ножа. Как ты это объяснишь?

– Жертва не была зарезана. Причина смерти не установлена. Но если учесть, с какой аккуратностью все сделано, учесть отсутствие на теле жертвы лишних ран, как было бы, например, в случае, если бы она пыталась дать отпор, можно сделать вывод, что она была мертва к тому моменту, когда убийца начал снимать с нее кожу. Я криминалист, а не психолог, и тем не менее мне кажется, что ему важен сам ритуал. Боль и крики жертвы не приносят ему морального удовлетворения, как другим маньякам. Короче говоря, он убил ее и лишь потом снял кожу.

Это должно послужить утешением. Женщина уже была мертва, когда холодное острие ножа плавно скользило под ее кожей... И все же Ди-Ди пришла от этого в еще больший ужас. Сексуальный маньяк, хищник, наслаждающийся каждой каплей страдания своей жертвы, находился в пределах ее понимания. Но убийца, который снимает кожу со своих жертв просто из спортивного интереса?

– А это что? – Голос Ди-Ди снизился до шепота, когда она указала на то место, где огромное пятно крови расплывалось в трех направлениях.

Алекс взял карандаш. Он использовал его как указку, чтобы было проще показать и объяснить.

– Вспомни, кожа снята в основном с туловища и верхней части бедер. Теперь посмотри внимательнее. Вот здесь, похоже, лежала голова жертвы, видно следы от волос. Здесь и здесь пятно светлее – думаю, лопатки были плотно прижаты к постели, поэтому под ними простыня не так сильно пропиталась кровью. Значит, в этом месте лежала ее голова... здесь плечи... туловище... а здесь ноги. Получается, что там, где пятно разделяется на три части...

– Были ее бедра.

– Или там стоял убийца. В любом случае он стоял прямо на постели, расставив ноги по обеим сторонам ее бедер, поэтому под подошвами его ног простыня также не пропиталась кровью.

– Он убивает свою жертву, – проговорила Ди-Ди, пытаясь воссоздать в голове цепочку событий, – а затем ставит декорации. Шампанское, наручники, роза. Наверняка он раскладывает все это прежде, чем кругом станет слишком... грязно.

Алекс повернулся к прикроватной тумбочке, на которой так и стояла бутылка шампанского, и направил на нее фонарь. На ней не было ни одной капли крови.

– Пожалуй, ты права.

– Затем... он раздевает ее. Обнажает кожу.

Алекс посветил в левый угол комнаты, где Ди-Ди увидела небольшую кучу темной одежды.

– Черные штаны, футболка «Ред Сокс», нижнее белье, – отрапортовал Алекс.

– Подходящая одежда для сна. Значит... он бросает ее вещи в сторону.

Алекс снова кивнул.

– А потом, – детектив повернулась, – он залезает на кровать, ставит ноги по бокам от обнаженного тела жертвы и начинает... снимать кожу. Но зачем?

Алекс пожал плечами:

– Часть ритуала? Или, быть может, мы имеем дело с очень своеобразным видом некрофилии, когда именно это доставляет извращенцу огромное удовольствие. Он режет кожу на очень тонкие полоски. И, как заключили судмедэксперты после изучения первой жертвы, делает он это предельно аккуратно и почти профессионально. По их мнению, этот процесс занял у убийцы не меньше часа, а то и два или три.

– Есть следы спермы? Он ее насильно?

– Первую жертву нет. Что касается второй, то мы пока ждем результатов экспертизы.

– Подожди. То есть он проникает в дом и убивает жертву. Вот так просто? Может, он умудряется как-то их усыпить или отравить?

– Это тоже станет известно позже, когда будут готовы результаты экспертизы.

– Хорошо. Значит, затем он снимает с нее кожу. И весь процесс длится не меньше часа?

– Да, причем у него определенно есть особый навык, – добавил Алекс. – Судмедэксперты предполагают, что он охотник или даже мясник. Я в этом не уверен, но, учитывая, с каким, я бы даже сказал, художественным профессионализмом он все это делает, опыт у него есть.

– Каким ножом он пользуется?

– Точно не знаю. Скорее всего, очень маленьким и бритвенно-острым. Вероятно, даже сделанным специально для этой работы. Смотри, еще какая интересная деталь. В подобного вида преступлениях убийца всегда обязательно выпустит свое оружие из рук. Ну, знаешь, если оно вдруг мешает или просто в нем нет необходимости, пока убийца ходит по комнате, раскладывая свои театральные реквизиты. Как правило, никто из них даже не задумывается о том, что лезвие ножа может оставить свой след и послужить дополнительной уликой. И в тех случаях, когда убийца так много времени проводит рядом с жертвой, почти стопроцентно можно ожидать, что он выпустит нож из рук. Вот только...

– Он этого не сделал.

– Похоже, он достаточно умен, достаточно хладнокровен, чтобы если и класть где-то нож, то только на другие кровавые пятна, где, как он думает, нож не оставит следа.

Ди-Ди посмотрела на мужа:

– Постой, ты сказал «как он *думает*, нож не оставит следа»?..

Алекс слабо улыбнулся. Он снова повернулся к висящей на стене простыне и навел на нее синий луч.

– В таких случаях, когда жертва на протяжении долгого времени истекает кровью...

– Как же он этого не предусмотрел...

– Кровь может отпечататься поверх крови. Подсыхая, она начинает загустевать, желтеть. Это происходит из-за того, что гемоглобин отделяется от тромбоцитов. Таким образом, подсохшая кровь может служить основой для свежей.

Ди-Ди представила весь этот процесс.

– То есть, если убийца положил испачканный свежей кровью нож на подсохшую простыню, это значит, что на ней должен остаться след?

– Точно.

– А в таком случае...

Теперь лицо Алекса было всего в пяти сантиметрах от покрытого кровью полотна.

– Мне кажется... вот здесь я вижу очертания. Не очень четкие, но все же. Я бы сказал, что это филейный нож, однако трудно определить наверняка. Иногда мы видим лишь то, что хотим увидеть. Когда вернемся в лабораторию, надо будет провести несколько химических опытов – может быть, удастся усилить контраст. Думаю, это важная деталь.

– Определенно, – подтвердила Ди-Ди.

Нахмурившись, Алекс снова принялся рассматривать простыню. Ди-Ди сделала то же самое, хотя без разъяснений Алекса все эти замысловатые узоры ничего для нее не значили. Ее тревожил застоявшийся запах крови, которой здесь было много... на простыне... на матрасе...

Но в остальном комната была почти нетронутой.

Ди-Ди прошлась вокруг кровати, осматриваясь и размышляя о дальнейших действиях убийцы. Алекс шел за ней, дополнительно освещая фонарем стены и пол комнаты.

– Он прибрался, – удивилась Ди-Ди.

– Несомненно, – согласился Алекс. – Здесь он постарался.

Он снова осветил на кровать, тщательно осматривая ее по всему периметру, высвечивая из темноты отпечатки собачьих лап. Возле двери в ванную тоже был огромный след от крови, такой же, как внизу, – в этом месте лежала Лили.

– Собака даже не лаяла? – спросила Ди-Ди.

– По крайней мере, никто не слышал.

– Странно. Она же явно была напугана. – И Ди-Ди указала на дорожки следов, ведущих от спальни к лестнице и обратно.

– Напугана или, скорее, просто удивлена. Вспомни, как бы странно ни звучали мои слова, но это не было жестоким убийством. По крайней мере, нет никаких доказательств того, что убийца вламывался в дом и боролся с жертвой. Что бы здесь ни произошло, все было... у него под контролем. Тем более мы уже решили, что кожу он снимал с жертвы, когда та была уже мертва. Ни драки, ни криков, ничего такого, что могло бы заставить собаку нервничать.

Ди-Ди вздрогнула. Ей стало не по себе.

– У него был план, – произнесла она вслух, пытаясь снова собраться с мыслями. – Он выполнил его, сыграл свою роль. А затем...

– А затем прибрался за собой, – закончил за нее Алекс и нахмурился. – Только вот этого я как раз не понимаю. Даже если все прошло так гладко – я имею в виду, не было ни погони, ни драки, никакого сопротивления со стороны жертвы, – все равно, сколько же здесь крови. У него руки по локоть должны были быть в ней. Не говоря уже о том, что он, совершенно очевидно, сидел прямо на жертве, пока снимал кожу... Надо будет и пол весь изучить, вдруг найдем какие-нибудь следы его пребывания. Если не найдем конкретных следов, то хотя бы попытки от них избавиться. Так что почему бы и нет, верно?

Ди-Ди понимала, что слова Алекса не лишены смысла. На полу более сотни пятен от собачьих лап, должны быть и следы убийцы.

– Он мог пойти в ванную, чтобы привести себя в порядок, – предположила Ди-Ди. – Может, принял душ? Уверена, Фил заставил следователей изучить каждый миллиметр душевой и раковины на предмет ДНК убийцы.

– Это само собой. Но как он попал в душевую? Не по воздуху же. – Алекс осветил на дверь хозяйской ванной.

На полу возле нее не было никаких следов крови, кроме тех, что оставила Лили. Он подошел ближе и внимательно осмотрел медную ручку. Никаких следов. Затем, чтобы про-

сто удостовериться, он осветил фонарем пол ванной, душевую кабину, раковину, унитаз. Абсолютно ничего.

– Может, у него очень хороший растворитель? – усмехнулась Ди-Ди. – Облил здесь им все, а потом зубной щеточкой каждый сантиметр...

– Возможно, но маловероятно. – Лицо Алекса оставалось непроницаемым.

Как он уже говорил, кровь нельзя удалить с места преступления на все сто процентов. Многие криминалисты смогли сделать себе имя, используя пробелы в знаниях недостаточно предусмотрительных убийц, которые могут дочиста оттереть все стены, но забыть о защелке на оконной раме или о заводном колесике на часах. Убийцы убирают только то, что видят. В то время как следователи благодаря специальным световым приборам и химическим веществам типа люминола способны найти невидимые на первый взгляд вещи.

В голову Ди-Ди пришла новая мысль.

– Давай посмотрим на это с другой стороны. У нас есть убийца, которому удалось не только пробраться в этот дом незамеченным, но и уйти, не вызвав подозрений. Только вот после своей грязной работы он должен был весь быть в крови. Неужели он потом в таком виде вышел на улицу и как ни в чем не бывало пошел дальше?

Алекс пожал плечами:

– Самый очевидный выход – это принять душ, как ты уже говорила. Преступник смыл с себя кровь, надел чистую одежду и вышел через переднюю дверь.

– Однако, по твоим словам, мы бы тогда увидели следы, ведущие к ванной. Хм... А что, если он уже был раздетым? Что, если, убив свою жертву, прежде чем приступить к самой главной части, он снял с себя всю одежду?

– Здорово, – ответил Алекс. – Смыть кровь с одежды куда труднее, а так...

– Еще я заметила, что все полотенца в ванной висят на своих местах. А если убийца принимал здесь душ, то чем же он тогда вытирался?

Алекс коротко кивнул, продолжая размышлять.

– Может быть, – продолжила Ди-Ди, – раз уж убийца сам приносит шампанское и наручники, то он берет с собой также все необходимое, чтобы привести себя в порядок. Пару полотенец, даже коврик для ванны, который кладет вот здесь, рядом с кроватью, – она указала на едва заметный прямоугольный след на полу, возле тумбочки. – Он встает на коврик, снимает всю одежду и только затем взбирается на кровать, чтобы освежевать жертву. Закончив, он встает обратно на коврик и надевает свою по-прежнему чистую одежду. Остается аккуратно собрать грязное полотенце, нож и так далее, сложить все в свою спортивную сумку – и можно идти. Это, по крайней мере, объясняет отсутствие следов крови в остальной части дома, включая ванную.

– Не просто здорово, – поправился Алекс. – Умно.

– Дело в опыте. – Ди-Ди подчеркнула последнее слово. – Разве не это сказали судмедэксперты? Этот человек знает, что делает. Он хладнокровен, расчетлив. Ситуация у него под контролем с самого начала и до конца. Вряд ли мы здесь что-то еще найдем.

Алекс включил стоящий на тумбочке торшер и погасил свой фонарь.

– Я бы на твоём месте не был так уверен. Конечно, фокус с переодеванием уменьшает риск испачкаться кровью жертвы и так далее, но, с другой стороны, он увеличивает шанс оставить после себя волосы, частички кожи, ДНК.

– В этом ты, пожалуй, прав.

– Еще одна важная деталь: каким именно способом он убивает своих жертв. Как только судмедэксперты это выяснят, у нас появится еще одна зацепка.

Супруги покинули спальню и вместе пошли по коридору к лестнице.

– Мне надоело сидеть дома. – Ди-Ди услышала свой голос словно со стороны.

– Я знаю.

– Надоело чувствовать себя слабой и бесполезной. Я хочу вернуться на работу. Хочу поймать этого маньяка.

– Ты так ничего и не вспомнила?

– Имеешь в виду, не вспомнила ли я, почему решила полетать с лестницы? Или зачем три раза подряд пальнула в стену? – Детектив покачала головой.

– Сегодня ты очень помогла.

– Да, но неофициально. Официально я детектив, который в одиночку вернулся на место преступления и без видимой на то причины воспользовался табельным оружием. Теперь я обуза для всего отдела, и мы оба с тобой знаем, что даже если сегодня ночью моя рука чудесным образом заживет, никто не вернет мне полицейский значок. Моя карьера под угрозой, а копы просто ненавидят вопросы, на которые нет ответа.

– Да, ты оставшийся без ответа вопрос, – согласился Алекс и взял жену под руку.

– Ну, спасибо.

Он задумчиво на нее посмотрел:

– Хотя знаешь что? Ты нечто большее.

– Великолепный детектив? Идеальная жена? Любящая мать? Я тебя умоляю, ты мне льстишь. Хотя Мелвин меня уже изрядно заколебал, так что я не откажусь от своей порции тошнотворно сладких банальностей.

– Вообще-то я подумал о другом. Я подумал, что, кроме тебя, никто не сможет найти ответ на этот вопрос. В том числе и я.

Ди-Ди уставилась на спутника:

– Ты же криминалист...

– Точно. Я изучаю места преступлений. А ты, Ди-Ди, – твое плечо, рука, ранение, – часть совершенного преступления. Только, в отличие от других своих жертв, тебя убийца контролировать не смог, и это дает нам огромное преимущество.

Глава 5

Боль – это...

Диалог. Когда мне исполнилось двенадцать, приемный отец стал учить меня различать все возможные проявления и функции физического и душевного дискомфорта. Боль – это... смотреть, как домработница, прерывисто дыша, пинцетом вытаскивает из большого пальца осколки разбитого стакана.

Боль – это... забыть во время экзамена, как пишется слово «позвоночник», даже несмотря на то, что повторяла материал прошлой ночью. Из-за одной ошибки я получила всего девяносто баллов, и хотя отец сказал, что это хороший результат, мы оба с ним знали – не идеальный.

Боль – это... когда отец не приходит поддержать тебя на государственную научную выставку, ссылаясь на то, что у него слишком много работы. Пока он оправдывался, извинялся и говорил, как сильно любит меня, я внимательно смотрела ему в глаза, пытаюсь в них разглядеть его чувства. Сожаление. Раскаяние. Эмоции, которые у человека по определению появляются из-за боли.

Боль – это... когда лучшая подруга в красках описывает подробности своего первого поцелуя, а ты, с завистью глядя на ее восторженное лицо, тихо надеешься, что тоже сможешь когда-нибудь почувствовать нечто подобное. Мой отец нашел двух сестер, которые, несмотря на врожденную нечувствительность к боли, вышли замуж и завели детей. Одна из них во время родов сломала тазобедренную кость, но заметила это только через несколько недель, когда просто не смогла больше терпеть странное щелканье в бедре. Неспособность чувствовать боль ни в коем случае не исключает возможности влюбиться или быть любимой и уж тем более никак не лишает человека с генетическим отклонением надежды стать нормальным.

Она не лишает желания завести семью...

Мой приемный отец любил меня. Конечно, не так, как все отцы любят своих дочерей. Нет, у него был взвешенный контролируемый подход к жизни. Когда стали ясны жестокие реалии, с которыми мне придется столкнуться в жизни, он сделал огромный вклад в мое будущее, открыв для меня двери своего роскошного дома и внушительного размера кошелек. Он нанял лучших сиделок, которые помогали мне преодолевать ежедневные трудности, в то время как сам продолжал изучать мою особенность и писать сухие научные отчеты.

Однако он не мог предвидеть то обстоятельство, что мне часто будут сниться кошмары. Откуда ему было знать, что маленькая девочка, неспособная ощущать боль, станет каждую ночь чувствовать ее во сне. Узнав об этом, отец начал задавать мне бесконечное количество вопросов. Что я видела? Что я слышала? Что я чувствовала?

Я не могла дать ответ. Мне действительно было страшно. Ночь. Темнота. Чей-то смех. Куклы. Ножницы. Чулки. Карандаши. А однажды я увидела в саду лопату, прислоненную к стенке гаража, и побежала от нее с криками, затем закрылась в шкафу и несколько часов оттуда не вылезала.

Гром, молния, ливень. Черные кошки. Синие одеяла. Какие-то свои детские страхи я могла легко описать, а какие-то совершенно сбивали с толку.

Отец даже советовался по этому поводу с детским психологом. Та порекомендовала мне рисовать свои кошмары. Но у меня не получалось. Моих художественных талантов хватало только на то, чтобы нарисовать черный прямоугольник, разделенный пополам желтой линией.

Позже я подслушала, как психолог говорила моему отцу:

– Возможно, это все, что она может увидеть, закрывшись в шкафу. Понимаете, даже маленький ребенок способен различать добро и зло. Поэтому ей снятся эти сны. В шкафу она пытается спрятаться от зла. Вспомните, что приходилось испытывать бедняжке в старом доме, какие вещи вытворял ее отец...

– Но откуда она могла все это знать? – не унимался отец. – И дело не в том, что она была совсем крошкой. Просто если ты не чувствуешь боли, откуда тебе знать, чего нужно бояться? Разве боль не является корнем всех наших страхов?

Психолог не нашлась что ответить на это. Собственно, как и я.

В четырнадцать лет я перестала ждать, что причины моих кошмаров таинственным образом раскроются сами. Вместо этого я начала наводить справки о своей семье. О моем биологическом отце писали сразу в нескольких газетах. В основном это были статьи под заголовками «Дом кошмаров в Беверли» или «Безумный плотник устраивает резню». Оказалось, мой биологический отец, Гарри Дэй, жестоко убил восемь проституток. Несколько он закопал на заднем дворе своего магазинчика, а остальных спрятал прямо под паркетом в нашей гостиной. Полиция выдвинула предположение, что некоторых из женщин он держал взаперти несколько дней или даже недель и ежедневно подвергал их пыткам.

Какое-то время я с нездоровым интересом вчитывалась в каждую газетную статью, где упоминалось имя Гарри Дэй. Не только потому, что мое прошлое было шокирующим и ужасным, а скорее из-за того, что оно казалось таким... чужим. Я смотрела на фотографию нашего дома, на ржавый велосипед у крыльца и ровным счетом ничего не чувствовала.

Даже фотография отца не вызывала ни малейшего проблеска воспоминаний. Ни я, ни моя сестра ни капли не были на него похожи. Я не могла вспомнить ни этих его огрубевших рук, ни раскатыстого низкого смеха. Гарри Дэй. Улица Блумфильда, 338. Это то же самое, что посмотреть кино. Вроде и похоже на правду, но верится с трудом.

Мне было всего одиннадцать месяцев, когда полицейские узнали о садистском хобби отца и вломались в наш дом. Гарри нашли мертвым в ванне, он вскрыл себе вены. Тогда они забрали мать в психиатрическую лечебницу. Там она вскоре и умерла, а нас с сестрой отдали на попечение.

Когда я не пялилась на ухмыляющуюся физиономию Гарри, то занималась матерью. Не так уж много имелось ее изображений. Жила где-то на Среднем Западе со своей семьей, затем бросила школу и сбежала в Бостон, где устроилась официанткой. Позже она вышла замуж за Гарри, поставив таким образом на своей судьбе крест.

Единственные фотографии, что мне удалось найти, – это полицейские снимки, на которых она стояла в углу своей гостиной, пока детективы отрывали половицы в центре комнаты. Сутулая худая женщина с изможденным лицом и спутанными каштановыми волосами.

В ней я тоже не узнавала себя. Я видела только призрак женщины, чья судьба была поломана задолго до того, как к ней пришли на помощь.

В конце концов мои кошмары прекратились. Я перестала интересоваться семьей, которая наградила меня мутирующей ДНК, и направила все свои усилия на то, чтобы заслужить любовь приемного отца. Тот, в свою очередь, стал отпускать сиделок на выходные и помогать мне со школьными проектами, иногда даже сидел со мной по ночам, когда я не могла уснуть.

Он любил меня. Несмотря на его преданность науке, несмотря на мою неполноценность, мы стали семьей.

Потом он умер, и мои кошмары вернулись с удвоенной силой.

Первая ночь после похорон отца. Выпив побольше портвейна, я наконец закрыла глаза...

Дверь шкафа внезапно распахнулась. Передо мной открылась небольшая захлавленная комната, тускло освещенная единственной лампой без абажура. В центре комнаты сто-

яла сестра, в руках она сжимала старого плюшевого медвежонка. Отец стоял возле дверцы шкафа, он поочередно смотрел то на меня, то на сестру.

Прежде чем снова погрузиться во тьму, я услышала голос матери: «Пожалуйста, Гарри, только не трогай детей!»

Боль – это не то, что мы видим или чувствуем. Боль – это то, что мы слышим, оставаясь наедине с собой в темноте.

* * *

Я проснулась в начале двенадцатого. Сон длился не больше десяти минут, но мое сердце бешено колотилось, а лицо было мокрым от пота, словно после двухчасового забега. Уставившись в потолок, я стала делать дыхательные упражнения, которым меня научили много лет назад.

Звуковой релаксатор одиноко стоял в углу спальни. Забыла включить. Ничего удивительного.

Я выбралась из кровати, нащупала в темноте круглую кнопку и нажала. По комнате мгновенно расплылся шум прибора, где-то вдалеке кричали чайки. Я легла на спину, руки по швам, закрыла глаза... Вдыхая соленый воздух, пошла вдоль берега, позволяя волнам омывать мои ноги...

Если судить по прикроватным часам, прошло всего восемь минут, прежде чем я подскочила, едва сумев подавить крик. Потолочная светодиодная система давала мягкое зеленоватое свечение. Я пять раз пересчитала все огоньки, лишь после этого дыхание выровнялось, а сердце перестало отбивать о ребра чечетку.

У меня очень красивая спальня. Дорогая. На полу мягчайший шерстяной ковер. Французское постельное белье и шторы ручной работы сшиты из дорогого шелка. Все в нежно-голубых и серовато-зеленых тонах.

Моя спальня – настоящий оазис в самом центре Бостона, напоминание о щедрости приемного отца и о моих личных успехах.

Но сегодня мысль об удавшейся карьере не успокаивала. В одиннадцать тридцать я уже точно знала, что уснуть больше не смогу.

Будучи продуктом образцового воспитания и высококвалифицированным врачом, я никогда не переставала быть в первую очередь человеком. А это очень грязное дело, в котором даже умение отличать правильные решения от неправильных не спасает от принятия последних.

Я вышла из душа, облачилась в обтягивающую черную юбку, кожаные сапоги по колено и – без всякой задней мысли – в кофту пурпурного цвета, столь любимого моей сестрой. Затем нанесла легкий макияж, распустила свои каштановые волосы и надела на безымянный палец левой руки золотое обручальное колечко. Я уже давно поняла, что именно это главный ключ к успеху, – выглядеть семейной, как они. Это избавляет их от ответственности и в то же время ослабляет чувство вины. Ты ничем не лучше их, и это делает тебя желанной мишенью.

Без десяти двенадцать. Я достала небольшую косметичку, которую обычно храню в самом нижнем ящике в ванной, и положила в свою серую сумочку. Выйдя из дома, я направилась в сторону аэропорта, а именно в гостиницу «Хайатт Бостонская бухта»⁴.

⁴ «Хайатт Бостонская бухта» – один из отелей, принадлежащих американской компании «Hyatt Hotels Corporation», управляющей сетями гостиниц высшего класса, расположенных по всему миру.

* * *

В понедельник после полуночи в большинстве баров города довольно тихо, и только аэропортные отели и гостиницы существуют вне времени и пространства. Люди, прибывшие из разных часовых поясов, встают и ложатся спать по своему особому графику. Поэтому в местном баре всегда можно найти кого-нибудь за выпивкой.

Я села за столик возле окна, из которого открывалась хорошо знакомая панорама Бостона. Темные воды бухты, мерцающие огни города. Я заказала «Космополитен», крепкий алкогольный коктейль, и стала потягивать его, стараясь сохранить при этом образ приличной женщины. Пора за дело.

В баре я насчитала еще восемь человек: молодая пара и шесть одиночек. Среди последних были два джентльмена преклонного возраста. Первый, мужчина типичной европейской внешности, задумчиво смотрел на дно своего пивного бокала; второй, азиат, вполголоса о чем-то с ним беседовал. Я сразу же мысленно их отмела. Не то чтобы я им не понравлюсь, просто они мне не очень интересны.

Мое внимание задержалось на двоих в другом конце бара. Оба были в синих костюмах. Короткие стрижки, темные волосы. Со Среднего Запада, решила я. Им наверняка не больше тридцати. Тот, что справа, был выше и крупнее своего соседа, эдакий доминантный самец. Наверняка уверен в себе и легко находит общий язык с незнакомыми людьми. Я бы сказала, коммивояжер. Привык жить в дороге, легок на подъем и достаточно энергичен для того, чтобы каждый день переезжать в новый город, достаточно сообразителен, чтобы максимизировать прибыль от этих поездок и минимизировать возможные затраты.

Я продолжала потягивать коктейль, изредка проводя языком по краю бокала. Затем, откинувшись на спинку стула, снова посмотрела в его сторону. Он по-прежнему сидел ко мне спиной.

Через пятнадцать минут «самец» обернулся. Его щеки пылали, в глазах плясали веселые огоньки. Алкоголь? Вождление? Какая разница.

Я заметила, как он смотрит на мое кольцо, оно было на том же пальце, что и у него. Мы молча пришли к согласию, двое взрослых людей, абсолютно разных, но с одинаковыми потребностями. Его лицо расплылось в улыбке. Мужчина предложил мне выпить, я, в свою очередь, указала ему на свободный стул.

Он отошел к бару, якобы заказать напитки, а на деле же, чтобы попросить своего товарища не ждать его. Тот ухмыльнулся и направился к выходу.

Торговец вернулся, восхитился моим свитером – классный цвет! – и пошло-поехало. Он представился Нилом, стал задавать вопросы мне, я – ему. Оба без запинки отвечали, по большей части враньем, но от этого не менее любезно и красноречиво. Вскоре для поддержания нужного тона беседы Нил заказал уже третий «Космо» для меня и четвертый – а может, пятый или шестой – виски для себя. Затем настал ключевой момент, когда он с явным намеком облизал нижнюю губу.

Но я не любительница легко сдаваться. С моей стороны не последовало никакой реакции ни на лстивый смех, ни на двусмысленные жесты. У меня свои правила. Мужчина должен сам сделать первый шаг. Чтобы заполнить меня, ему нужно постараться.

Наконец тоном профессионального торговца Нил задал вопрос: «Не желаешь пойти в местечко потише? Мы могли бы продолжить разговор там, где нам никто не помешает».

Вместо ответа я встала и взяла сумочку. Нил широко улыбнулся, осознав в этот момент, что незнакомка в баре всерьез говорит «да». К счастью, она довольно симпатичная, и, пожалуйста, господи, пожалуйста, пожалуйста, хоть бы под этой обтягивающей юбкой у нее оказались черные стринги...

Мы сразу же пошли к нему, что избавило меня от необходимости раскрывать тот факт, что у меня нет своего номера. Конечно, я могла бы на всякий случай забронировать его, но в наши дни для этого нужен паспорт, а я не сильно стремилась здесь светиться.

Как только мы вошли, Нил сразу приступил к делу. Ничего особенного, ничего нового. Для меня это всегда было загадкой. Мужчины ищут себе кого-то на стороне, чтобы заняться сексом в старой доброй миссионерской позе. Неужели этим их фантазия исчерпывается? Или, возможно, им просто не нужно то самое разнообразие, о котором они всегда говорят. Даже с новым партнером они делают то, что сами же в повседневной жизни называют рутинной.

Я попросила Нила не выключать свет.

Ему это понравилось. Многим нравится. В конце концов, мужчины – визуалы.

Я позволила ему стянуть с меня кожаные сапоги, расстегнуть обтягивающую юбку, под которой были черные кружевные стринги. Затем мои пальцы занялись ремнем на его брюках... пуговицами на его рубашке... Одежда на полу, мы на постели, презерватив на тумбочке у кровати. От Нила пахло бальзамом после бритья, которым он, вероятно, воспользовался сразу перед тем, как отправиться на поиски приключений. Он нашептывал мне какие-то комплименты, в то время как его руки скользили по моему обнаженному телу.

Я вздохнула и позволила себе расслабиться, пока его руки сжимали мои бедра, а усы щекотали соски. Наконец я ощутила его в себе. Толчки – единственное, что я почувствовала.

Наконец настал ключевой момент, когда Нил замер, откинув голову назад и стиснув зубы, его руки задрожали...

Я открыла глаза. Всегда так делаю. Просто мне надо знать, что это, пусть и минутное, удовольствие, которое он испытывает, как-то связано со мной.

Я провела рукой по щеке Нила, затем по колючим темным волосам. Для меня важно, чтобы он понял, как много это мимолетное мгновение значит для такой женщины, как я.

Для женщины, которой всю жизнь приходится себя контролировать, которую с младых ногтей учили, что доверять своим чувствам крайне опасно. Для того ребенка, который до сих пор пытается разгадать тайну боли, но до ужаса боится звуков в темноте.

Нил рухнул рядом, я протянула руку к торшеру и погасила свет.

– У меня рейс рано утром. – Вот и все, что хочет услышать мужчина в такой ситуации.

Мои слова успокоили Нила, и он быстро заснул, пока я, как по карте, водила пальцем по рельефу его плеч и трицепсов.

Примерно через пять минут его дыхание стало более глубоким – секс и виски сделали свое дело, – и я выбралась из постели.

Первым делом я включила свет в ванной, в полумраке взяла сумочку и абсолютно голая скользнула в освещенную комнату, тихонько прикрыв за собой дверь. В голове царил пустота. То, что я собиралась сделать дальше, бросало дерзкий вызов всякому здравому смыслу.

Что я пыталась объяснить своей новой пациентке, детективу Ди-Ди Уоррен, сегодня днем? Без душевного равновесия невозможно добиться господства над своими субличными. Даже самый сильный Администратор не в состоянии держать корабль на плаву двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. Рано или поздно Изгнанники вырвутся на свободу и начнут сеять кругом хаос, ответственность за который ляжет на плечи Пожарных.

Драма ради драмы. Попытки суицида. Таким способом Изгнанники пытаются хотя бы на небольшой промежуток времени заставить весь мир почувствовать их боль.

Я вытасила из сумки небольшую черную косметичку, открыла ее и извлекла несколько квадратных пакетиков с пропитанными лидокаином салфетками. Зажав в правой руке одну из них, разорвала обертку и левой вынула из сумочки небольшой узкий скальпель.

Дверь чуть скрипнула, пока я открывала ее так, чтобы свет из ванной падал на мою бормочущую во сне мишень. Я помедлила, а потом, как только Нил снова захрапел, подкралась и села возле него на кровать.

Сначала лидокаин. Легкими, почти поглаживающими движениями я провела салфеткой по его плечу, медленно, но верно обезболивая поверхность кожи.

Отложив салфетку, я стала считать до шестидесяти, чтобы успело наступить онемение.

Мои пальцы снова побежали по контурам его левого плеча, внимательно изучая каждый миллиметр кожи.

Затем в ход пошел скальпель... Легкий укол, чтобы проверить реакцию...

Убедившись, что мой торговец продолжает блаженно похрапывать, я сказала себе: «Именно в этом мое главное отличие от моей семьи». Я не похожа на сестру. Я не похожа на отца.

У меня не было желания причинять боль... Просто... Иногда я...

Человек с нормальной психикой никогда не стал бы делать того, что собиралась сделать я... И все же... все же...

Я принялась за дело. Четыре быстрых движения, два длинных, два коротких, и в моих руках ленточка приблизительно пятнадцать сантиметров длиной и не больше сантиметра шириной. Затем, обтерев скальпель, я сжала лезвие в ладони левой руки.

Несколько капель крови упали на плечо моего торговца. Я подобрала свои трусики и прижимала их к ране, пока кровотечение не остановилось окончательно.

Стараясь двигаться как можно тише, я быстро вернулась в ванную. Полоску кожи положила в стеклянный пузырек, который тут же закупорила и подписала. Использованный пластырь, скальпель и все остальное убрала в косметичку, которую, в свою очередь, запихнула в сумку. После этого вымыла руки и прополоскала рот.

Пока я боролась с каждым элементом гардероба, у меня предательски стало колотиться сердце, а руки задрожали еще сильнее. Юбка, лифчик, свитер, сапоги – наконец все это оказалось на мне. Проведя рукой по гриве каштановых волос, я наклонилась и быстро собрала с пола насыпавшиеся с меня волосинки, после чего смыла их в унитаз. Напоследок бросила взгляд в зеркало. Оттуда таращилась незнакомка, до безумия похожая на меня. Возникло ощущение, что я стояла рядом с самой собой. На этом месте должна быть моя сестра. Или мой отец.

Кто-нибудь из них, но точно не я и не моя мать, которая, как я полагаю, никогда ни в чем повинна не была.

На ощупь найдя выключатель, я погасила свет.

Теперь, стоя в кромешной темноте, я больше ничего не боялась. Теперь тьма стала моим другом. Я вступила с ней в сговор. Она говорила мне, что ей нужно от меня, а я делала, получая взамен укрытие. Доблестный коммивояжер Нил проснется утром с жуткой головной болью, приятной слабостью в теле и тупой болью в левом плече.

Не сомневаюсь, когда он пойдет в душ, то обязательно решит выяснить причину боли. Встанет напротив зеркала в ванной и увидит длинную красную полосу почти по всей длине плеча. Естественно, это его озадачит. Он попытается вспомнить, не ударялся ли где. Только вот рана больше напоминает широкую царапину. Тогда он подумает, что поранился собственным браслетом или чем-то подобным.

В итоге просто пожмет плечами и заберется в душ. Примерно секунду будет ощущать пощипывание в ране, а потом привыкнет. Порез заживет, кожу украсит лишь едва заметная белая полоска, история которой навсегда останется для него загадкой.

Кому может прийти в голову, что девушка, с которой ты перепихнулся прошлой ночью, вырежет скальпелем у тебя кусок кожи? Более того, она сохранит его в стеклянном флаконе как часть своей странной коллекции.

Приемный отец был одержим моей генетической невосприимчивостью к боли. Пожалуй, ему следовало больше беспокоиться о моей генетической предрасположенности причинять боль другим людям.

* * *

Я вернулась домой, провела тщательный осмотр, чтобы убедиться в отсутствии каких-либо повреждений, и повалилась на кровать, где провела чудесную ночь без снов.

Рано утром меня разбудил звонок из лечебницы, где находилась моя сестра. Голос суперинтенданта МакКиннон звучал твердо и четко:

– Аделин. У Шаны снова был приступ.

Она могла больше ничего не говорить, все и так ясно. Я села в постели и дотянулась до своей одежды.

– Она кого-то ранила?

– Только себя. Четыре ножевых. Сейчас она в больнице, но, Аделин... она в очень тяжелом состоянии.

Я кивнула, моя сестра всегда старалась доводить дело до конца. Положив трубку, я тут же выскочила из кровати и приготовилась снова вернуться в лечебницу.

Глава 6

Алекс обо всем договорился. Когда сегодня он вместе с Ди-Ди приедет в дом Кристин Райан, их там встретят физиотерапевт Ди-Ди, а также Фил и Нил. А пока Ди-Ди вместе с маленьким Джеком сидели на кухне и корчили друг другу рожицы – кто сделает смешнее. Джек, как обычно, победил, но Ди-Ди знала, что она проиграла в честной битве.

В восемь утра Алекс отвел Джека в детский сад, который находился буквально по соседству, но в нижней части улицы. Ди-Ди в это время пыталась совладать с нервами. Дело в том, что у Алекса возникла одна идея: чтобы помочь Ди-Ди вспомнить подробности того несчастного случая в доме Кристин Райан, они все вместе поедут туда и попробуют воспроизвести события того дня, и, возможно, им удастся найти какие-либо улики. Могут ведь эксперты произвести предельно точный анализ столкновения двух машин, вплоть до вычисления виновника аварии. А нужно им для этого всего лишь осмотреть автомобиль «А» и автомобиль «Б». Если такая штука срabатывает с машинами, то почему бы это не срabотало с человеком?

В половине девятого Алекс вернулся домой, и вместе с ним пришло первое испытание этого дня: нужно одеться. Ограниченная подвижность, вызванная болью в области шеи и плеча, весьма осложняла задачу.

– Мелвин, – сказала Ди-Ди, глядя в зеркало на свою левую руку.

Ее плечо немедленно отозвалось жгучей болью. Болью, которая наступает вследствие перегрузки мышц и воспаления нервов. Врачи сказали, что придется это терпеть еще несколько месяцев.

Что ей сказала психиатр? Поговори с Мелвином. Покажи ему, кто здесь главный.

– Ну ладно, – начала Ди-Ди, обращаясь к своему отражению. – Слушай сюда. Сегодня важный день. Мне предстоит много работы. И работа эта заключается в том, чтобы вспомнить то, о чем ты заставляешь меня забыть.

Ее отражение... продолжало оставаться простым отражением в зеркале.

– А, черт с тобой. Это самый тупой, самый идиотский... Слушай! – Детектив угрожающе посмотрела на свое отражение. – Сейчас я все это с себя снимаю и иду в душ. Затем выхожу оттуда нормальным человеком и надеваю свой костюм для йоги, потому что мне так сказали.

Действительно, Рассел Илг, физиотерапевт, попросил ее приехать в черных штанах для йоги и плотно облегающей черной майке. Плюс он попросил ее взять с собой мел, так что Ди-Ди ни капли не удивится, если он вдруг решит использовать ее в качестве школьной доски.

– Ты меня задолбал, – безжалостно продолжила она. – Ты мне мешаешь. Так что давай, Мелвин, сходи покури или еще что. Понимаешь ли, время-то идет и меня уже тошнит от этого дома, мне надоело таскать одежду мужа, надоело вонять, как обезьяна в зоопарке. Шесть недель уже прошло, и... мне уже хочется чем-то заняться. Сидеть в четырех стенах – это не мое. И если ты часть меня, то должен это понимать, Мелвин... ты должен меня понять.

Позади скрипнула дверь, и в проеме возник Алекс.

– Ну как? Получается?

– Да хрен там с два.

– Буду расценивать это как «вполне вероятно».

– Да пошло все в задницу.

– Может, помочь? – Алекс кивнул на рубашку, которую Ди-Ди смогла снять только наполовину, а точнее, только высвободила здоровую руку.

– Давай.

Алекс расстегнул верхнюю пуговицу и медленно стал спускаться ниже. Были времена, когда Алекс, неспешно и со знанием дела раздевал ее прямо перед этим зеркалом, а у нее тряслись колени и перехватывало дыхание. Сейчас же она ощущала себя скорее неуклюжей.

Скорее даже не так – разбитой, слабой и бесполезной развалиной. Это хуже, чем неуклюжесть. Неуклюжесть – это уже прогресс.

Алекс снял с жены рубашку, расстегнул сзади бюстгальтер. Аккуратно снимая его, он нечаянно коснулся ее левой руки. Всего лишь легкое прикосновение, а Ди-Ди зашипела так, словно все ее существо внезапно вспыхнуло дикой болью.

Виновато посмотрев на супругу, Алекс принялся расстегивать штаны. Их оказалось снимать куда проще. И вот она, финишная прямая. Остались только носки и трусики.

Алекс включил воду и поддержал Ди-Ди под локоть, помогая забраться в душевую. Затем разделся сам и присоединился к ней в тесной кабинке. И опять-таки, всего пару месяцев назад все это могло выглядеть очень эротично, сейчас же это была прелюдия к жуткой агонии, которую Ди-Ди придется испытать через несколько секунд.

Она сама намочила голову, но чтобы нанести и смыть шампунь, требовалась помощь Алекса. Не выключая воду, он помог ей выбраться из кабинки и накинул на плечи огромное полотенце. Ди-Ди, как двухлетний ребенок, ждала, пока ее «папочка» помоеся сам и поможет ей наконец вытереться.

В первую очередь Алекс принялся вытирать ее, эдакий рыцарский акт самопожертвования, вынуждавший его мокрого дрожать от холода. Ди-Ди должна испытывать благодарность, должна радоваться, что у нее такой нежный и заботливый муж, должна понимать, насколько ей повезло, что он у нее есть.

Но она по большей части чувствовала только боль, злость и разочарование. А хуже всего то, что Алекс это понимал. Тем не менее он тщательно вытирал жену, не обращая внимания на черную неблагодарность и поднимающуюся волну бессильной ярости.

– Ты бы сделала для меня то же самое, – сказал он, пытаясь разрядить обстановку.

– Вот уж вряд ли. Чего во мне точно нет, так это человечности.

– Неправда. Я видел вас сегодня с Джеком, помнишь? Можешь строить из себя железную леди перед другими, но я-то знаю, какая ты на самом деле.

– Новый психиатр уверяет, что я потеряла свое истинное «Я», и теперь моим мозгом руководит кучка психов.

– А что ты сама думаешь по этому поводу?

– Это все гребаный Мелвин, – прошептала Ди-Ди, и ее голос звучал по-другому, не как всегда. Казалось, она вот-вот расплачется.

– Все будет хорошо. Ты скоро поправишься. – Алекс поцеловал ее в лоб.

– Не ври мне. Ты же сам говорил, что я могу врать себе, но не тебе. Вот так же и с тобой. Я подслушала разговор врачей. Мой доктор сказал, что рука, возможно, полностью так и не восстановится. Да я и сама прошла достаточное количество сеансов физиотерапии, чтобы это понять. Если я не восстановлюсь, то больше никогда не смогу выйти на службу. Ты можешь представить, что я буду целыми днями сидеть дома? Вести хозяйство, ездить за покупками в семейном минивэне?

– Ты скоро поправишься, поверь.

– Хватит врать!

– Я и не вру. Я знаю тебя, Ди-Ди. Так или иначе, ты найдешь выход, ты справишься, и все будет хорошо. И знаешь, как я это понял?

– Как?

– Тебя еще не восстановили на службе, а ты уже собираешься на место преступления, чтобы помочь в поимке преступника. Ну же, Ди-Ди, хватит думать о плохом. Вместо того

чтобы стоять и спорить, мы бы давно уже могли надеть рубашку поверх этого милого плечика. Как, говоришь, зовут парня, который в нем живет?

– Мелвин, – буркнула детектив.

– Привет, Мелвин. Я Алекс. Рад познакомиться. А теперь отвали.

* * *

Фил и Нил были уже на месте. Ди-Ди неуверенно переступила порог дома, словно опасаясь, что ее вот-вот окружают мрачные тени, а в нос ударит резкий запах крови. Однако это был тот редкий случай, когда реальность отличается от предположений в лучшую сторону. Небольшую прихожую неплохо освещали солнечные лучи, проникающие через многочисленные окна, а в воздухе чувствовался резкий, ни с чем не сравнимый запах лизола. Очевидно, владелец квартиры наконец-то получил разрешение навести в доме порядок. Ди-Ди готова была поклясться, что для этой цели он нанял профессиональных уборщиков, непосредственно специализирующихся на подобных случаях. Интересно, какую магию им пришлось применить, чтобы отмыть спальню наверху.

– Ну что, причины смерти установлены? – обратилась детектив Уоррен к коллегам.

– Доброе утро, Ди-Ди. Мы тоже рады тебя видеть. Как самочувствие? – сухо поинтересовался Фил.

– Просто великолепно. Я бы горы свернула. Если бы, конечно, могла пошевелить конечностью. – Уоррен неуклюже обняла самого молодого сотрудника их отдела, а Алекс пожал им обоим руки.

Долговязый рыжий Нил, несмотря на свои тридцать три, напоминал шестнадцатилетнего подростка. Это было уже его второе расследование, но, естественно, Фил и Ди-Ди брали основную часть работы на себя, а он у них учился. Раньше Нил работал техником в отделе судмедэкспертизы, поэтому неудивительно, что именно он ответил на ее вопрос, а не Фил:

– Хлороформ.

Ди-Ди моргнула. Они с Алексом стояли возле кухонного стола. Мебель, принадлежавшую Кристин Райан, еще не вывезли, но сидеть на диване убитой казалось как минимум невежливым. Поэтому все четверо теснились на кухне.

– Он убил их с помощью хлороформа? – спросил Алекс. – Это возможно?

– Не убил. Всего лишь усыпил. Откровенно говоря, Бен должен был учуять запах хлороформа еще на первом теле, но его, как он выразился, отвлекла кожа, лежавшая отдельно от трупа.

– Хлороформ можно вот так просто учуять? – Ди-Ди не могла бы точно сказать, восхищает ее этот факт или пугает.

– Разумеется. Запах довольно долгое время держится в области рта и носа. Первый шаг в ходе аутопсии – это обнюхивание тела. Таким образом можно обнаружить присутствие некоторых ядов и токсинов. Так или иначе, Бен приносит свои извинения.

Бен Уитли являлся главой отдела судмедэкспертизы и по совместительству бывшим любовником Нила. Сразу после разрыва их отношения были натянутыми, но сейчас, похоже, все наладилось.

– Значит, сперва он своих жертв усыпляет, – начал Алекс и нахмурился, явно сбитый с толку. – А потом?

– Компрессионная асфиксия.

– Компрессионная асфиксия? – озадаченно повторила Ди-Ди. – Не из этих ли опасений врачи не советуют спать с новорожденными? Якобы если взрослый во сне придавит ребенка, это может привести к компрессионной асфиксии.

– Именно. Асфиксия возникает, если оказать на грудь или на брюшную полость давление достаточно сильное, чтобы человек не мог сделать вдох. В результате наступает удушье.

– То есть наш маньяк, вероятнее всего, довольно крупного телосложения, – предположил Алекс. – Этот тип достаточно сильный для того, чтобы, по сути, раздавить двух взрослых женщин.

– Вовсе необязательно. Компрессионная асфиксия может также наступить вследствие грамотно примененного усилия. Скажем, можно просто давить коленом на диафрагму в течение нескольких минут.

– Если учесть тот факт, что он сначала усыпляет жертву хлороформом, – встряла Ди-Ди, – то смею допустить, что мы имеем дело с человеком физически слабым. Ведь обычно с силой приходит чувство собственного превосходства. А он отсиживается в засаде, нападает исподтишка, душит жертву, пока та без сознания, а на десерт проводит ритуальное сдирание кожи. Все это говорит о том, что маньяк всячески пытается избежать прямого контакта. Слабый, неуверенный в себе, скорее всего, в реальной жизни женщины ему отказывают, поэтому он их убивает. Какова вероятность того, что какая-то из жертв могла очнуться? Могла ли одна из них узнать, что происходит?

– Вероятность есть, но она крайне мала, – пожал плечами Нил. – Бен обнаружил точечные кровоизлияния в глазах и в верхней части грудной клетки. Весьма интересный факт. Я думаю, на жертве должны были остаться синяки или кровоподтеки в области груди и живота. Если бы можно было произвести более детальный анализ, то нам бы удалось узнать побольше о том, как именно преступник убивает жертву. Однако шансов практически ноль, так как кожа удалена именно с этих участков.

– Возможно, убийца срезает с трупов кожу, чтобы замести следы.

Фил покачал головой:

– Думаю, мы слишком высоко оцениваем его способности. Этот тип просто душит своих жертв, пока те без сознания. Не так уж это гениально. А вообще такое чувство, что парню просто нечем заняться и он нашел себе такое вот развлечение.

– Он проникает в дом, – снова заговорил Алекс, – пробирается наверх и обезвреживает жертву хлороформом, пресекая таким образом возможные попытки сопротивления. Затем душит ее, передавив диафрагму. Ты прав. Все это действительно выглядит вполне... целесообразно. Довольно простой способ убийства, благодаря которому у преступника остается больше времени на проведение этого... многочасового ритуала. Весьма любопытно.

– А мне больше интересно, почему именно компрессионная асфиксия, – заметила Ди-Ди. – Учтывая, что и убийца, и жертва – взрослые люди. Почему он не обратился к классике – подушку на лицо?

Фил и Нил только покачали головой. Однако у Алекса был ответ на этот вопрос:

– Он садится верхом на свою жертву. Мы видели тогда на простыне отпечатки его голей, помнишь? Этот тип не только снимает кожу в этом положении, но также и убивает.

– Доминирующая позиция. – Ди-Ди повернулась к Нилу: – Но следов сексуального насилия все-таки не обнаружено?

Он снова покачал головой:

– Если верить Бену, то нет. Убийца производит определенные манипуляции над трупом, мы все об этом прекрасно знаем, но никого не насилует.

– А по ножу информации не появилось? – спросил Алекс.

– Нет, но Бен уже набрал кучу ножей для сравнения. Так что ему еще нужно время.

– Какое-то время я подумывала об охотничьем ноже, – медленно произнесла Ди-Ди. – В отчете о вскрытии Кристин Райан сказано, что кожа снята профессионально. Как мне кажется, единственные, у кого есть опыт в освеживании, это охотники. Поэтому прошлой

ночью я посмотрела кучу обучающих роликов на Ютьюбе. Ну, знаете, как освежевать кролика, белку, оленя, лося...

Алекс с недоумением уставился на жену. Кажется, он только сейчас понял, что она выбиралась из постели где-то после полуночи. Ди-Ди задумалась, что же хуже: то, что муж не заметил ее отсутствия, или то, что он теперь в красках представлял, как она, прокравшись во тьме, изучает кровавые фильмы о разделывании диких животных. От видео Ди-Ди стало дурно. Она даже не думала, что убитые звери смогут произвести на нее такое впечатление, особенно учитывая, сколько ей приходилось видеть убитых людей.

И все же... она еще долго не могла уснуть. Вместо того чтобы вернуться в постель, Ди-Ди пошла в спальню Джека, где некоторое время наблюдала за тем, как спокойно спит ее сынок и как умиротворяюще горит ночник.

– Сама я не охотник, – продолжила она, – но после просмотра всех этих видео я поняла кое-что... На самом деле они почти не пользуются ножами. Пара надрезов вокруг ануса, удаление головы, а затем опытные охотники сдирают шкуру целиком голыми руками. Как я поняла, так и должно быть, если ты не хочешь повредить шкуру, потому что цельный кусок представляет гораздо большую ценность.

Фил удивленно посмотрел на нее:

– Что-что ты сделала?

– Я погуглила на тему «как освежевать кролика» и посмотрела несколько видео. Да ладно вам, нам пора уже как следует погрузиться в голову этого парня. У вас есть идеи получше?

– Ты же на больничном.

– Да, но у меня повреждена рука, а не мозги. Скажи-ка, не ты случайно последние несколько недель проверял каждую охотничью лицензию и пробивал имена по базе?

Фил залился краской, переступил с ноги на ногу:

– Возможно.

– Вот тебе и ответ. Ты тоже думал, что этот тип – охотник. Конечно, смысл в этом есть. Вот только сейчас я тебе говорю, что никакой он не охотник. Он работает совсем не так, как они, не говоря о его своеобразном ноже. Охотникам важна прочность и долговечность лезвия, они предпочитают классический боевой нож, с помощью которого можно снять шкуру с оленя, выпотрошить рыбу или вырыть яму. Не представляю, как убийца таким ножом смог аккуратно снять кожу с женщины, и тем более не представляю, как он гуляет с ним по Бостону, не привлекая внимания.

– Я видел складные охотничьи ножи, – возразил Фил. – У меня есть несколько приятелей, которые пользуются такими. Конечно, у боевых есть свои преимущества, но эти ножи меньше, легче, и им всегда можно найти применение.

– Но можно ли ими так аккуратно срезать кожу?

– Нет, – неохотно подтвердил Фил. – Хотя некоторые охотники нарезают шкуру на тонкие полоски, чтобы сделать шнуры или что-нибудь подобное. Ты уже и сама знаешь, что в Интернете полно различных обучающих видео, в том числе по выживанию в диких условиях. А учитывая, сколько сегодня развелось параноиков, увлекающихся данной тематикой, ни капли не удивлюсь, если наш маньяк вдруг окажется одним из них.

– К выживанию это явно не относится, – возразила Ди-Ди.

– Точно, – подтвердил Алекс. – Ему просто нужна власть, нужно осознание своего превосходства, а не возможность потренироваться в полевых условиях.

– К тому же он не новичок, – сухо произнес Фил. – Хлороформ, асфиксия, длительный и методичный процесс снятия кожи... Этот парень знает, что делает. Наш убийца не учится по ходу дела. Он изначально был в этом искушен.

* * *

В дверь позвонили. Такой привычный и обыденный звук, раздавшийся на месте убийства, заставил полицейских подпрыгнуть на месте. Они обменялись удивленными взглядами.

– Рассел Илг, мой физиотерапевт, – опомнилась Ди-Ди.

Алекс пошел в прихожую, чтобы открыть дверь.

– Уверена, что хочешь это сделать? Не передумала? – спросил Фил, как только Алекс вышел.

– Уверена. Почему я должна передумать?

Фил и Нил переглянулись. Ди-Ди поняла, о чем они оба думают, и с раздражением на них посмотрела.

– Вы не обязаны меня прикрывать, – бросила она. – Мы восстановим цепочку событий той ночи... и, вероятнее всего, окажется, что я просто ненормальная психопатка, которая без видимой причины решила пострелять из пистолета. В таком случае именно это вы и отразите в рапорте о проведении ВППО. Я не жду от вас помощи. Я просто хочу узнать правду.

– Лично я все равно буду за тебя, – пробормотал Нил. – Что бы ни случилось. Сама же знаешь, ты фактически часть моей семьи.

– Да уж, знаю я твою семью.

Коллеги рассмеялись. Семья Нила представляла собой кучку алкоголиков-ирландцев. Он любил пошутить, что дома его считают белой вороной не из-за его ориентации, а из-за того, что он единственный, кто всегда трезвый.

Тем временем Алекс вернулся в сопровождении молодого человека крепкого телосложения, одетого в черный спортивный костюм. Ди-Ди посчитала своим долгом всех представить:

– Детективы Фил и Нил, бостонская полиция. Рассел Илг, мой персональный тиран... эм... то есть тренер.

Мужчины обменялись рукопожатиями. Ди-Ди скрестила руки на груди, чтобы никто не видел, как они дрожат от волнения. Конечно, она бы предпочла, чтобы вместо физиотерапевта здесь присутствовал ее лечащий врач, однако у него оказался слишком плотный график. Поэтому ей пришлось просить Рассела, который, надо отдать ему должное, с радостью согласился помочь. К тому же, по его словам, врачи только диагностируют повреждения, в то время как он помогает человеку полностью или частично восстановиться, из чего следует, что он обладает более обширными знаниями о полученных его пациентами травмах.

Взяв инициативу в свои руки, Фил отвел остальных к лестнице. По правой стороне Ди-Ди увидела следы от пуль. Три отверстия были расположены на приличном расстоянии друг от друга, что не делает ей чести, если она действительно в кого-то целилась.

Фил откашлялся:

– Итак, значит, Ди-Ди, гм... то есть детектив-сержант Уоррен была найдена без сознания возле лестницы. Учитывая, гм... полученные ею повреждения, мы предполагаем, что она упала со второго этажа.

Рассел кивнул. Он старался не смотреть на Ди-Ди, сосредоточившись вместо этого на верхней части узкой лестницы, за что детектив была ему очень благодарна. Она вдруг ощутила упадок сил. В животе появилось странное сосущее чувство, а по лбу скатилось несколько капель пота.

Баю-баюшки-баю, в кроне древа на краю...

Детектив зажмурилась, как будто это могло бы избавить ее от дурных предчувствий. Ди-Ди злилась на саму себя. Она здесь для того, чтобы все вспомнить. Ей просто необходимо все вспомнить.

Через силу открыв глаза, она снова уставилась на отверстия в стене. Так или иначе, пули, которые оставили эти дырки, были выпущены из ее пистолета. В этом сомнений быть не могло. Осталось только выяснить причину.

– Ну, что могу сказать, – начал Рассел, словно прочитав ее мысли. – Первое, что я заметил, – это отсутствие перил по правой стороне. Небольшое отклонение от местных традиций, хотя обычная практика среди владельцев старомодных домов.

Все согласно кивнули.

– Но не суть. Вероятнее всего, Ди-Ди упала навзничь со второго этажа.

Физиотерапевт указал рукой вперед, и остальные, выстроившись друг за другом, потопали вверх по лестнице.

– Что мы делаем при падении? – спросил Рассел. Его вопрос прозвучал как риторический, поэтому никто не ответил. – Мы неосознанно вытягиваем руки, якобы для того, чтобы смягчить удар. В нашем случае у Ди-Ди была свободна только одна рука, ибо в другой она держала пистолет, верно?

Уоррен кивнула.

– Учитывая расположение пулевых отверстий, можем сделать вывод, что выстрелы Ди-Ди произвела непосредственно в момент падения. То есть свободна у нее была только левая рука, что объясняет повреждение плеча. – Рассел уже был наверху и дал знак полицейским расположиться в коридоре. Сам же он повернулся спиной к лестнице и спустился на несколько ступенек. Вцепившись левой рукой в перила, он симитировал некое подобие падения.

Ди-Ди мгновенно все поняла, когда физиотерапевт чуть ли не повис на перилах, напрягая каждый мускул левой руки, плеча и шеи. Детектив ничего не могла с собой поделать, она вздрогнула, отвернулась и еще плотнее прижала к телу руку.

– Ди-Ди упала на спину, – безоговорочным тоном заявил Рассел. – Она резко ухватилась за перила, чтобы хоть как-то себя удержать. От перегрузки рука неестественно вывернулась, что привело к отрывному перелому плечевой кости. Вдобавок к этому шея не вынесла внезапного рывка и тоже, в свою очередь, получила серьезное повреждение.

Затем от резкой и мучительной боли в плече и шее Ди-Ди ослабила хватку и, окончательно потеряв равновесие, рухнула вниз, изрядно приложившись головой об основание лестницы. Это всего лишь мои догадки, но, по крайней мере, они объясняют многочисленные синяки и сотрясение мозга.

Физиотерапевт посмотрел на Ди-Ди.

– Я ничего не упустил? Думаю, дело обстояло примерно так.

Детектив покачала головой. Взгляд Рассела был полон теплоты, даже сочувствия, но ей это не помогало, скорее наоборот. Она больше не хотела находиться здесь, в этом доме, в этом коридоре, полном мрачных отголосков ее памяти.

– Как ты оказалась спиной к лестничной площадке? – спросил Алекс.

Ди-Ди оглянулась. Полицейские до сих пор находились у самого края лестницы, и каждый из них смотрел перед собой, чтобы ненароком не оступиться и не повторить судьбу Уоррен.

– Я обернулась назад, – прошептала она.

Коллеги во все глаза смотрели на нее.

Ди-Ди повернулась, глядя в глубь коридора, в сторону раскрытой спальни. Невыносимый запах крови... Длинные темные пальцы, которые ночь тянула к ней из-под

своего плаща... В тот момент Ди-Ди не думала о том, чтобы что-то увидеть. Она хотела почувствовать... А затем...

– Я что-то услышала.

– Что-то? – хрипло переспросил Фил. – Или кого-то?

– Я... я не знаю. Я обернулась... а затем... затем упала.

– Нет.

– Что? – Ди-Ди повернулась к Расселу, который до сих пор стоял на середине лестницы. Под взглядами четверых полицейских физиотерапевт смущенно покраснел.

– Я имею в виду, что вряд ли все было так.

– В смысле?

– Твое ранение – отрывной перелом – штука редкая. Это происходит, когда сухожилие под сильным воздействием разрывает костную ткань в том месте, где кость соединяется с мышцей. Все-таки наши кости весьма прочные, – продолжал Рассел будничным тоном, словно сообщал нечто очевидное. – Небольшого усилия не хватит, чтобы сухожилие оторвало кусок кости. Дело обстоит куда сложнее. Такое повреждение ты могла получить, только если бы прыгнула с разбега и зацепилась рукой за перила. Понимаешь? Лично я сразу бы так и подумал, вот только ты находилась спиной к лестнице...

– О боже... – прошептала Ди-Ди. – Я не упала...

– Именно. – Алекс обнял ее за плечи. – Тебя толкнули.

Глава 7

– Папочка поговаривал, что кровь значит любовь. И смеялся... а затем вонзал лезвие еще глубже... Ему нравилось смотреть, как кровь медленно стекает по запястью... «В этом деле не нужно спешки, – шептал он. – Не торопись... насладись зрелищем».

Голос Шаны стих. Она больше не смотрела на меня, теперь ее взгляд сфокусировался в одной точке на голой белой стене. Больничная палата была такой же мрачной, как и тюремная камера, единственное различие составляла кровать, на которой поблескивали металлические фиксаторы для запястий и лодыжек.

По словам суперинтенданта МакКиннон, сестру нашли в камере во время утренней переключки. Она лежала в углу, свернувшись калачиком, что было для нее не свойственно. Она не откликалась на вербальные сигналы, и поэтому охранники, прикрываясь матрасами, как щитами, вошли в ее камеру. Все эти приготовления заняли много времени, но сестра сама виновата. На ее совести уже двое убитых охранников и сокамерница, так что, зная ее репутацию, никто не хотел лишний раз рисковать.

А если говорить точнее, то местных охранников больше беспокоила их собственная безопасность, чем жизнь моей сестры.

Суперинтендант МакКиннон сказала, что еще пять минут – и Шана умерла бы от потери крови. Не могу точно сказать, гордилась суперинтендант тем, что ее подчиненные успели вовремя, или жалела об этом. Когда дело касается моей сестры, ни в чем нельзя быть уверенной до конца.

Шана сделала из своей зубной щетки заточку, очень маленькую и очень острую. Не самая удобная штука, чтобы кого-то ранить, но идеальная, чтобы вскрыть свою собственную бедренную артерию. Хотела бы я притвориться, будто удивлена, однако это была уже четвертая попытка суицида... И каждый раз сестра пыталась вскрыть себе вены самодельным лезвием. Как-то раз я спросила, действительно ли она хочет умереть, но в ответ Шана лишь пожалала плечами. Иными словами, она не была нацелена на конкретный результат, просто ей нужно хоть что-то разрезать. А поскольку она сидела в одиночной камере, выбора особого не было.

Теперь сестра лежала под наркозом в больничной палате. Врачи подлатали ее, поставили капельницу и оставили отдыхать. Вскоре они отправят ее обратно в камеру, где Шана, подобно одичавшему зверю, будет проводить в заточении двадцать три часа в сутки. Но пока она здесь, выдался неплохой момент. Благодаря обезболивающим и огромной потере крови, сестра вполне спокойно разговаривала о нашей семье. Я же стояла рядом, отмечая для себя кое-что в уме.

– Так это Гарри? – спросила я нарочито ровным тоном, мысленно представляя, как наш биологический отец рассекает ножом руку старшей дочери.

– Кровь значит любовь, а любовь значит кровь, – пропела Шана. – Папочка очень сильно меня любил.

– Так вот что это было. – Я указала на ее перевязанное бедро. – Акт любви к себе?

Сестра хихикнула:

– Хочешь узнать, получила ли я от этого удовольствие?

– Получила?

– Ну-у, – улыбнулась Шана, – ты сама попробуй. Под давлением ножа кожа рассекается, как перезревший фрукт. Секунда, и ты чувствуешь горячий поток крови. М-м-м, какое это ощущение. Но словами этого не передать, попробуй сама.

– Я не чувствую боли, забыла?

– Но ведь это не боль, сестренка. Что угодно, но только не боль.

– Это слова отца.

– Ты просто завидуешь, что я помню его, а ты нет.

– Тебе было только четыре. Я не верю, что ты его помнишь.

– Но я помню. Еще как. А ты нет, и поэтому ненавидишь меня. Ты ведь знаешь, что папочка любил меня сильнее.

Шана вздохнула. Ее взор остекленел, казалось, что сейчас она не со мной, а где-то в другом месте. Например, в крохотном домике, где мы с ней когда-то жили. В отличие от сестры, я помнила его только по фотографиям из газет. Спальня моих родителей, в которой единственным предметом мебели был грязный матрас, разложенный прямо на деревянном полу. По всему периметру комнаты валялись груды каких-то лохмотьев, грязное постельное белье, упаковки от полуфабрикатов. В углу стояло старое автомобильное кресло, в котором, согласно полицейским рапортам, спала я.

Шана же в то время спала вместе с родителями на пропитанном кровью матрасе.

– А ведь я тебя любила, – медленно произнесла Шана, ее голос все еще оставался мечтательным. – Ты была такой милой малышкой. Помню, как мамочка давала мне тебя подержать, а ты улыбалась мне, размахивая маленькими пухлыми кулачками. Я тогда еще взяла на кухне нож и аккуратно порезала тебе запястья, чтобы ты знала, как сильно я тебя люблю. Мама почему-то кричала, но ты продолжала улыбаться, и я знала, что ты все правильно поняла. – Ее голос вдруг сделался мрачным. – Ты не должна была бросать меня, Аделин. Сначала папочка, потом ты... и все покатило к чертям...

Когда наша приемная мать увидела, как Шана вонзает лезвие швейных ножниц мне в руку, мою шестилетнюю сестру отправили в закрытую психиатрическую лечебницу, и она стала самым маленьким ребенком штата, который был помещен на принудительное нейролептическое лечение, а большую часть времени она проводила в постели. Когда ей исполнилось четырнадцать, намучившиеся врачи объявили, что она каким-то чудесным образом излечилась, и сбагрили ее ничего не подозревающей приемной семье. Им не стоило этого делать, ибо, по моему профессиональному мнению, тот факт, что она кого-то убьет, был всего лишь вопросом времени.

– О чем ты думаешь, – прервала я молчание, – теперь, когда вспоминаешь об отце?

– О том, как сильно он любил меня.

– Что ты слышишь?

– Крики.

– А что чувствуешь?

– Запах крови и бесконечную боль.

– И это, по-твоему, любовь?

– Да!

– То есть, когда мы были детьми, ты резала меня, чтобы я узнала, как сильно ты меня любишь?

– Нет. Я хотела, чтобы ты *почувствовала*, как сильно я тебя люблю.

– И для этого надо резать свою маленькую сестру?

– Да!

– А если бы у тебя был нож прямо сейчас?

– Кровь значит любовь, – снова пропела Шана. – И ты это знаешь, Аделин. В глубине души даже ты это понимаешь.

Ее лицо растянулось в такой хитрой усмешке, что мне стало как-то не по себе. Создалось впечатление, что она знает, кем я была всего шесть часов назад. Зверем, который, несмотря на первоклассное воспитание, подвластен только своим животным инстинктам.

– А если бы я тебе сказала, что еда значит любовь? – невозмутимо произнесла я, пытаюсь не отвлекаться на воспоминания о прошедшей ночи. – Тогда вместо того, чтобы резать людей, ты бы предлагала им хлеб?

Шана нахмурилась и провела ладонью правой руки по лицу. Поначалу она казалась смущенной и даже немного растерянной.

– Папочка никогда не давал еды.

– А мама?

– Что мама?

– Она не давала еды?

– Мама меня не любила, – раздраженно бросила Шана.

«Мама меня не любила». Мы уже обсуждали эту тему, но так ни к чему и не пришли. Но в этот редкий момент, когда сестра более-менее спокойно отвечает на мои вопросы, я решила слегка надавить.

– С чего ты это взяла? Почему ты думаешь, что мама не любила тебя?

Шана упрямо сжала губы, отказываясь отвечать.

– Гарри любил ее, женился на ней. Она, в свою очередь, любила его, вела хозяйство, растила вместе с ним детей.

– Он не любил ее!

– А тебя, значит, любил?

– Да. Кровь значит любовь. Он любил меня, а не ее.

Я наклонилась к сестре и прошептала почти в самое ухо:

– Он бил ее. Почти каждый день, если верить полицейским отчетам. Если боль значит любовь, то отец очень сильно любил нашу мать.

– Не будь дурой! – прорычала Шана. – Любого можно избить, но это не любовь. Кровь значит любовь, и ты это знаешь! В этом деле нужно действовать вдумчиво, даже ласково, плюс нужно быть аккуратным, чтобы порезать только подкожную вену и ничего больше... – Сестра указала на перевязанную ногу. – Кровь значит любовь! В этом деле нужно проявлять заботу. Ты же знаешь это, Аделин. Ты же знаешь!

Я посмотрела ей прямо в глаза:

– В этом нет твоей вины. Что сделал наш отец и что произошло в том доме... в этом нет твоей вины.

– Ты всего лишь ребенок! Слабое, беспомощное дитя. Мама часто так говорила, только чтобы папочка оставил тебя в покое. Но я всегда старалась показать, что люблю тебя. Я специально порезала тебе запястья, чтобы ты не чувствовала себя одинокой. Вот только маме это не нравилось, мне здорово от нее перепадало.

– Тебя била она? Или все-таки отец?

– Она. Мама никогда не любила меня. А ты как была, так и осталась слабой и беспомощной.

Я снова подалась назад:

– Шана, но кто же тебя зашивал? Если кровь порождает любовь и отец резал тебя каждую ночь, то кто зашивал тебя утром?

Сестра отвела взгляд в сторону.

– Кто-то должен был обрабатывать твои раны каждое утро. Возить тебя в больницу они бы точно не стали, это привлекло бы слишком много внимания. Поэтому каждое утро кто-то должен был промывать раны, накладывать повязки и так далее. Кто тебя лечил, Шана?

Плечи сестры подрагивали, желваки ходили ходуном, но она так и не отрывала взгляд от стены.

– Мать этим занималась, не так ли? Она латала тебя. Каждую ночь отец резал тебя, и каждое утро она лечила. А ты до сих пор не можешь простить ее за это. Вот почему ты

говоришь, что она не любила тебя. Папочка причинял боль, мама все исправляла. А тебе от этого становилось только хуже. Ее забота причиняла тебе еще больше боли.

Шана уставилась на меня, ее карие глаза жутковато поблескивали.

– Ты похожа на нее. Я похожа на отца, а ты на мать.

– Думаешь, я тоже пытаюсь вылечить тебя? Мои визиты для тебя – как солнечное утро, а когда я ухожу, ты остаешься одна в объятиях бесконечной ночи, так?

– Папочка любил меня. Мама не любила. Она была ужасным человеком.

– Ты Шана, а я Аделин. Наши родители мертвы. Мы в этом не виноваты. Они сделали свой выбор, а теперь выбор за нами, и на твоём месте я бы попыталась поскорее их забыть.

Шана улыбнулась.

– Папочка мертв, – согласилась она, но голос ее снова звучал чересчур хитро, почти ликующе. – Я знаю это, Аделин. Я видела. А что насчет тебя?

– Я ничего не помню, ты же знаешь.

– Но ты тоже видела.

– Ребенок, пристегнутый к автомобильному креслу. Это не в счет.

– О, этот звук полицейских сирен... – усмехнулась сестра.

– Гарри Дэй запаниковал, когда стало ясно, что полиции все известно, – равнодушно встала я. – Он не захотел, чтобы его повязали живым, и решил вскрыть себе вены.

– Ложь!

– Я читала отчеты, Шана. Я знаю, что произошло с нашим отцом.

– Кровь значит любовь, Аделин. Ты знаешь это, потому что видела.

Не найдя ответа, я нахмурилась. Понятия не имею, что Шана пыталась этим сказать. Я была всего лишь ребенком, и все мои знания по этому делу почерпнуты из полицейских отчетов.

– Шана...

– Она дала ему аспирин. Он разжижает кровь. – Ее голос звучал по-детски восторженно. – Затем она наполнила ванну. Теплая вода расширяет сосуды. Он разделся, забрался в ванну и протянул к ней руки:

– Ты должна это сделать.

– Я не могу, – прошептала она в ответ.

– Во имя нашей любви, – сказал папочка и протянул ей свою любимую старомодную бритву с рукояткой из слоновой кости. Подарок его отца, как он мне однажды сказал. Бах-бах-бах! Это стучали во входную дверь.

– Откройте, полиция!

Бах-бах-бах.

И мама вскрыла ему вены. Два длинных пореза сверху вниз. Именно вдоль, а не поперек, потому что если резать вены поперек, то врачи смогут зашить. А сверху вниз – верная смерть. Папочка улыбнулся: «Я знал, что ты все сделаешь правильно». Мама уронила бритву в ванну, и папочка погрузился глубже в красную воду. «Я всегда буду любить тебя», – прошептала мама и тут же упала без сознания, а через секунду в дом вломилась полиция...

– Кровь значит любовь, – в который раз нараспев сообщила Шана. – Наши родители не мертвы. Я папочка, а ты мама. Она никогда нас не любила, Аделин. Она только все портила.

– Тебе надо отдохнуть, – сказала я.

Шана только ухмыльнулась в ответ:

– Кровь возьмет свое, Аделин. Кровь всегда побеждает, сестренка.

Она взяла меня за руку. На мгновение мне показалось, что она тайком пронесла с собой еще одно лезвие и собирается напасть на меня, но сестра всего лишь сжала мое запястье. Наконец лекарства взяли свое. Шана откинулась на подушку и вздохнула. Еще секунда, и моя кровожадная сестра погрузилась в глубокий сон, продолжая держать меня за руку.

Через пару минут я высвободила пальцы и бросила взгляд на запястье, где белел небольшой шрам, оставленный, несомненно, моей сестрой сорок лет назад.

Я буквально слышала голос приемного отца в своей голове:

– Боль – это...

«Боль – это воспоминания», – мысленно закончила я.

Боль – это семья.

Что объясняет, почему профессиональный психотерапевт, специализирующийся на боли, молча вышел в коридор и закрыл за собой дверь.

Глава 8

Утро Ди-Ди началось со звонка судмедэксперту Бену Уитли. Алекс по пути на работу отвез Джека в детский сад, а Ди-Ди осталась дома одна. Все утро она провалялась на диване, облаченная в свою привычную уже домашнюю одежду: тренировочные брюки и безразмерную фланелевую рубашку Алекса.

– У меня вопрос, – сообщила Ди-Ди, когда Бен ответил на звонок.

– Ди-Ди! – громко прозвучал его голос из телефонной трубки. Бен никогда не отличался особой общительностью, но на протяжении нескольких лет, пока он встречался с Нилом, коллегой Ди-Ди, они стали близкими друзьями, и даже когда между ним и Нилом все было кончено, Ди-Ди продолжала поддерживать с Беном связь. – Слышал про отрывной перелом. Ты, как всегда, на высоте. Выбрала самый оригинальный способ покалечиться.

– Стараюсь.

– Левая рука?

– Угу.

– Прикладываешь лед? Делаешь упражнения? Не перенапрягаешься?

– Угу. Да. Типа того.

– Должно быть, сходишь с ума.

– Это точно!

– Вот поэтому ты мне и позвонила. Дай угадаю – хочешь узнать о нашей последней жертве.

– Нет.

Повисла пауза. Ди-Ди буквально слышала через телефонный провод его дыхание.

– Не о последней, – любезно добавила Ди-Ди. – Как я понимаю, ты только собираешься исследовать тело.

– Займусь этим сегодня вечером.

– Звучит неплохо. А у меня вопрос по первой жертве, Кристин Райан. Вроде на изучение того, что от нее осталось, у вас было предостаточно времени. К тому же, учитывая тот факт, что ты опытный медицинский эксперт, один из лучших, которые у нас когда-либо работали...

– Да поможет нам лесть, – усмехнулся Бен.

– Ты уже изучил срезанную кожу...

– Точно.

– Возможно, у тебя уже есть предположения насчет лезвия, которым пользуется убийца?

– Да. Лезвие очень тонкое, без зазубрин и каких-либо повреждений. Однако самый главный вопрос состоит в том, был это нож или все-таки бритва.

– Ну, кстати, да. – Ди-Ди как-то об этом не подумала, хотя, с другой стороны... – А тебе не кажется, что бритвой довольно трудно управиться в таком... деликатном деле. Понятно, что разрезать кожу на полоски бритвой очень удобно. Но ты вспомни, сколько там было этих полосок. Думаю, бритва здесь – слишком грубый инструмент, к тому же постоянно выскальзывающий из рук.

– Он мог приделать рукоятку, тогда бы она не выскальзывала. Я все думаю о классическом лезвии для бритья и канцелярском ноже. Еще вариант – преступник орудует скальпелем. Но я отвлекся от темы. За последние несколько недель я провел более десятка тестов, и не нашлось таких ножей и лезвий, которые показали бы нужный результат. Единственное, что я уяснил полезного, – длинные толстые лезвия оставляют неровные края у пореза. В нашем же случае... работа проделана весьма гладко. Не является ли это показателем того,

что у нашего убийцы незаурядные способности в этом деле? Даже я после многочисленных попыток не смог добиться приемлемого результата. Конечно, вначале мне мешало отсутствие выбора нормальных ножей. Но теперь, расширив поиски до хирургических инструментов, я подошел ближе к технике нашего убийцы.

– Да уж. – Ди-Ди задумалась. Ей не приходило в голову, что убийца мог использовать скальпель и обладать навыками в области хирургии. Однако после своего полуночного мозгового штурма она уже ничему не удивлялась. – Осмелюсь предположить, – продолжила детектив, – что судмедэксперт твоего уровня...

– Лестно ты уже занималась, так что ближе к делу. Мне предстоит трудный денек, – усмехнулся Бен.

– Ты пытался собрать вместе все фрагменты кожи.

– Пытался – точнее не скажешь.

– У тебя ничего не вышло. – Голос Уоррен дрогнул, сердцебиение участилось. Вот оно, просветление, что пришло к ней минувшей ночью. – Поскольку выяснилось, что на месте преступления были найдены не все фрагменты. Несколько полосок пропало. Убийца забрал их с собой.

– Бинго! Приз в студию для нашей прекрасной блондинки-детектива! Признайся, это золотистые локоны стимулируют твою мозговую деятельность?

– Безусловно. И сколько кожи он унес? Речь ведь идет не о большом количестве?

– Скажем, чуть меньше дюжины фрагментов. Вроде бы это немного, но будь жертва жива, она бы наверняка заметила пропажу.

Догадки Уоррен оправдались. Снятие кожи для убийцы – не просто способ развлечься, это очень важный, можно сказать, интимный момент.

Ди-Ди отвлеклась от своих мыслей и снова обратилась к Бену:

– И последний вопрос. Он обрабатывает кожу заранее? Может, были обнаружены какие-нибудь интересные химические вещества? Алкоголь, например, или формальдегид?

– Имеешь в виду, пытается ли он таким образом законсервировать фрагменты кожи?

– Именно это и пришло мне в голову.

– Что я могу ответить – и да и нет. На коже Кристин Райан было обнаружено антибактериальное мыло. Можно было бы предположить, она приняла душ, перед тем как лечь спать, но на руках и ногах следов мыла не обнаружено, анализ дал отрицательный результат. Выходит, из каких-то собственных соображений убийца обработал мыльным раствором тело жертвы, прежде чем приступить к делу.

Ди-Ди нахмурилась:

– Прямо как хирург? Который подготавливает кожу к разрезу?

– Перед тем как сделать надрез, хирурги обычно дезинфицируют кожу спиртосодержащими препаратами. А кожа жертвы хоть и была вымыта, но никакими дезинфицирующими средствами точно не обрабатывалась.

– То есть убийца просто моет кожу, которую собирается снять. Без всякого хирургического фанатизма.

– По крайней мере, я так думаю. И да, касаясь твоего предыдущего вопроса – никаких следов формальдегида я тоже не обнаружил. Так что версия с консервированием кожи отпадает.

– Ну ладно.

– Однако это не исключает того, что он мог законсервировать кожу позже, уже после того как снял ее. Наш сообразительный убийца мог поместить фрагменты кожи в заранее подготовленную баночку с раствором формальдегида или высушить их, используя соль. На самом деле вариантов очень много.

– Хм. Спасибо за информацию.

– Да не за что. Ты первая, кто об этом спросил.

– Профессиональная привычка. И так, что мы имеем: наш убийца усыпляет жертву хлороформом и придавливает. Как только наступает компрессионная асфиксия, он ее раздевает, обмывает кожу и приступает к главному действию, а именно длинными тонкими лоскутами снимает кожу с туловища и верхней части бедер. И ты полагаешь, что он пользуется скальпелем. Затем он покидает место преступления, не забыв прихватить с собой в качестве особо ценного трофея фрагменты кожи жертвы. Я ничего не упустила?

– Даже я не смог бы лучше подытожить.

Ди-Ди продолжила рассуждать вслух:

– То есть у убийцы есть определенный опыт в сфере хирургии, к тому же ему вполне комфортно работать с трупом. А если учесть, что основные действия ритуального убийства совершаются уже после убийства, то, вероятно, ему комфортно работать *именно* с трупом.

– Джеффри Дамер?⁵ – предположил Бен. – Этот некрофил хранил в доме останки своих жертв и соединял различные части от разных людей. Он утверждал, что хотел собрать идеального любовника, который никогда его не покинет.

– Насколько мне известно, ни Кристин Райан, ни Регина Барнс не подвергались сексуальному насилию.

– По крайней мере, никаких следов я не обнаружил. Ты права.

Ди-Ди снова задумалась. Прошло несколько секунд, прежде чем она вспомнила, что все еще говорит по телефону.

– Спасибо, ты мне очень помог.

– Уже есть идеи, кто убийца?

– Пока нет, но у меня есть идеи насчет его профессии.

– Собираешься обежать все больницы и медучреждения?

– Пусть этим лучше займется Нил. Лично я планирую проверить работников похоронных бюро.

* * *

Конечно, было бы благоразумно дождаться Алекса. Он бы помог одеться и сесть в машину. Но это не про Ди-Ди. Ее снедало упрямство, не говоря уже о вселенской обиде на свою руку, плечо, на Мелвина. Она сильная, независимая женщина. Детектив бостонской полиции, в конце концов.

Она сама, черт возьми, сможет одеться, – и плевать на треклятого Мелвина.

Однако у Мелвина было свое мнение на этот счет.

Все началось, когда Ди-Ди попыталась скинуть рубашку Алекса. Стоило ей освободить здоровую руку, как внезапно левое плечо кольнула острая боль. Теперь нужно было выбраться из штанов. По идее, нет необходимости напрягать плечевые мышцы, чтобы снять с себя спортивные штаны, которые были специально подобраны на несколько размеров больше. Однако рука снова отозвалась жгучей болью. На лбу выступила испарина.

Казалось, чем больше Ди-Ди пыталась не напрягать руку, тем сильнее отдавалось каждое движение в шею и плечо. Стиснув зубы, детектив достала из шкафа темно-серые брюки, которые теперь предстояло надеть. Этот болезненный процесс затянулся: очень медленно, дюйм за дюймом, натягивала она штаны. Наконец осталось только застегнуть пуговицу. Четыре попытки, и ни одна из них не увенчалась успехом.

⁵ Джеффри Лайонел Дамер (1960–1994), известный как «Каннибал из Милуоки», – американский маньяк, на счету которого семнадцать убийств разновозрастных жертв мужского пола. Практиковал расчленение трупов и консервацию частей тел, некрофилию, каннибализм.

«Что надеть сверху?» – в отчаянии подумала Ди-Ди. Еще одну безразмерную рубашку или лучше пиджак? В итоге она выбрала первое. Так не будет видно расстегнутой на штанах пуговицы, с которой она так и не справилась.

Не в силах больше держаться, Уоррен села на край кровати и заплакала.

Как ей все это ненавистно: бесполезность и беспомощность, постоянное чувство безысходности. Она винила себя в том, что так долго не может выздороветь. Она винила свое плечо за то, что оно так сильно болит, винила свои сухожилия за то, что они оторвали целый кусок от ее кости. А что, если она так никогда и не поправится? Подобные травмы – явление редкое, поэтому никто не мог сказать наверняка, как скоро детектив Уоррен полностью восстановится и восстановится ли вообще. Сможет ли она снова самостоятельно одеваться? Держать пистолет? Обнимать своего сына?

Сколько ей еще придется слоняться без дела, носить одежду мужа, делать вид, что все хорошо, стараться быть сильной? Она не могла так жить. Она слишком молода и слишком преданна своему делу. Она коп до мозга костей. В ее жизни не будет никакой следующей главы, если она не сможет вернуться к работе, которую столь сильно любит.

Любит, даже несмотря на то, что именно работа довела ее до такого состояния, превратила детектива Уоррен в жалкое подобие самой себя.

Ди-Ди легла и уставилась в потолок. Ее одежду составляли только бюстгальтер и незастегнутые брюки. Детектив закрыла глаза и попыталась увидеть то, что должна была увидеть той роковой ночью, до того как ее столкнули с лестницы.

Мелвин. Мелвин, прием. Я здесь, я готова, я хочу знать. Ну же, Мелвин. Дай девушке передохнуть и сходи покурить, что ли. Просто дай мне все вспомнить.

Не это ли советовала доктор Глен? Если Ди-Ди все-таки решится заговорить с Мелвином, она должна напрямую попросить его помочь ей все вспомнить. Тогда ее Изгнанники обязательно сдадут свои позиции. А Ди-Ди всего лишь нужно быть готовой узнать всю правду.

Мелвин молчал. Точнее, как обычно, продолжал болезненно подергивать ее изнутри.

– Я готова, – сквозь зубы выдавила она. – Я справлюсь, Мелвин. Ну же, ты, ничтожный грязный сукин сын. Я должна знать. Скажи мне.

Тишина.

– Меня столкнул убийца? Вернулся, чтобы оживить в памяти все подробности полета своей фантазии, и был неприятно удивлен, увидев там меня?

Правда, большинство убийц стараются держаться подальше от места преступления. Пройти под оградительной лентой прямо под носом у полиции более чем рискованно. Этот смельчак сразу бы оказался в тюрьме за незаконное проникновение на закрытую территорию, а допрос прояснил бы остальное. Конечно, какого-нибудь психопата-убийцу, уверенного в своем превосходстве, могла привлекать такая своего рода игра. Но вряд ли это их случай. Человек, который убивает женщин, пока те спят, настолько уверен в себе? Ди-Ди очень сильно в этом сомневалась.

На секунду Ди-Ди смогла представить себе его в голове: худой, низкая самооценка, как следствие, необщительный, некомфортно чувствует себя в окружении людей, особенно женщин. Наверняка никогда не имел длительных отношений, а спит, скорее всего, на диване в маминной гостиной. Учитывая, что с жертвами он ведет себя сдержанно, в детстве его не били. В противном случае он бы сто процентов выплескивал на них всю свою ярость. Этот убийца был... хладнокровным. Да, одержимым, но он не терял спокойствия. Он молча делал свое дело, стараясь при этом производить как можно меньше шума. Его жертвы даже не успевали понять, что происходит.

Он проникал в дом, усыплял, убивал, снимал кожу.

Вот, что ему было нужно, – кожа жертвы. Похоже, он собирает коллекцию.

Он коллекционер.

Едва эта мысль пришла ей в голову, как Ди-Ди уже знала, что она верна. Они ищут коллекционера. Его убийства – проявления не злости и ярости, но одержимости. Маньяк, который старательно шел к тому, что ему было нужно.

Или к тому, что *ей* было нужно.

Насильниками по большей части становятся мужчины, но коллекционерами... Отсутствие сексуального насилия. Хлороформ. Даже компрессионная асфиксия. Что сказал Нил по этому поводу? Необязательно обладать крупной комплекцией, достаточно просто давить на определенную точку в течение определенного времени.

Возможно, полицейские ищут вовсе не затюканного мужчину. Может, они ищут женщину. Женщину, которая не вызвала бы никаких подозрений у соседей, если бы они поздно ночью заметили, как она входит в дом другой женщины. Женщину, которая, даже если бы ее застукали на месте преступления, могла заявить, что является близкой подругой жертвы.

Возможно ли такое? Может быть, когда Ди-Ди стояла одна посреди квартиры Кристин Райан, вовсе не мужчина застал ее врасплох. А какая-нибудь одинокая дама, появившаяся прямо из ночной темноты.

– Мелвин. Давай же, Мелвин! Поговори со мной.

Но Мелвин опять не проронил ни слова.

Все, с нее хватит. Ди-Ди встала. В несколько шагов она пересекла спальню и, стиснув от боли зубы, натянула свитер кремового цвета.

– Какие-то проблемы, Мелвин? – прорычала она. – Как я погляжу, тебя так и распирает от злобы? Пойдем. Я дам тебе отличный повод позлиться. Пойдем повеселимся.

Детектив Уоррен спустилась вниз по лестнице, вышла за дверь и села в машину. Теперь она была готова поделиться с миром своей болью.

Глава 9

Суперинтендант Ким МакКиннон была довольно красивой женщиной. Изящные скулы, гладкая темная кожа, подернутые влагой карие глаза. Такие женщины что в семьдесят, что в сорок одинаково хороши. Ко всему прочему она была невероятно умна, целеустремленна и бесконечно упряма. Иными словами, МакКиннон обладала всеми качествами, которые необходимы для управления старейшим женским исправительным учреждением Соединенных Штатов. Особенно сейчас, когда учреждение переполнено пациентами: руководству необходимо разместить двести пятьдесят человек вместо предусмотренных шестидесяти четырех.

Как рассказала мне Кимберли, сотрудники учреждения в основном применяют метод боли и наказания. Большинство начальников колоний, забитых также под завязку, оказались в затруднительном положении, поскольку уже не могли обеспечить необходимые по закону условия раздельного содержания мужчин и женщин. Но теперь они нашли выход: отправить всех женщин сюда, где те уже становились головной болью суперинтенданта МакКиннон.

Деваться ей было некуда, и поэтому женщин втискивали в трехместные камеры, ибо правительство штата до сих пор не выделило средства на постройку новых корпусов.

Если не считать всего этого, то, я уверена, у этой дамы работа ее мечты.

Сейчас суперинтендант Бейонсе, как МакКиннон называли пациентки, сидела в своем огромном кожаном кресле, ее руки покоились на дубовом столе, а хладнокровный взгляд был устремлен прямо на меня.

– Ей стало хуже, – начала она без обиняков. – Знаете, утренний инцидент... Честно говоря, я предполагала, что произойдет нечто подобное.

– Хотите сказать, все это время вы регулярно производили дополнительные осмотры ее камеры, а ваши сотрудники проявляли невероятную бдительность в отношении доступности материалов, из которых Шана могла бы сделать заточку? – холодно осведомилась я.

Казалось, мои слова ее ни капли не задели.

– Не будьте так категоричны в суждениях, Аделин. Вы бывали здесь не раз. И вы прекрасно знаете, что когда дело доходит до таких, как ваша сестра, мы практически бессильны. Может, мы и носим униформу, но это не помогает контролировать пациентов вроде Шаны.

К сожалению, суперинтендант права. Моя сестра – воплощенный кошмар начальника любого исправительного учреждения: невероятно умная, до крайности необщительная заключенная, которой нечего терять. Ей не привыкать сидеть в камере по двадцать три часа в сутки. Мои ежемесячные визиты – одна из немногих привилегий, которыми она обладала и до которых ей не было никакого дела. То же касается телефонных звонков, доступа к компьютеру и некоторых других предметов роскоши, которыми она в свое время обзавелась благодаря работникам местной столовой. Каждый раз Шана поступала как непослушный малыш, и каждый раз руководство лишало ее привилегий и новых игрушек.

Ей было на все на это плевать. Ее одолевали злоба и депрессия, даже огромное количество лекарств не помогало. Уж я-то знаю, сама прописывала ей последние три препарата. Попытка самоубийства Шаны – это пятно не только на репутации доктора МакКиннон, но и на моей собственной.

– Она принимала свои таблетки? – поинтересовалась я.

– Мы следили за тем, чтобы она пила лекарства, а также проверяли камеру на наличие лишних таблеток. Ничего не было найдено, но это всего лишь может означать, что она на шаг впереди нас. Вы знаете наши правила, Аделин. Придется продержат Шану в больничном изоляторе не меньше недели.

Я кивнула. Если тюрьмы полны умалишенных людей, то больничные изоляторы – подлинный эпицентр сумасшествия, где особо буйные пациенты мечутся из угла в угол палаты, крича что есть мочи, чтобы об их безумии узнал весь мир.

Возможно, прежде моя сестра не собиралась кончать жизнь самоубийством, но неделя в изоляторе сделает свое дело.

– Это сегодня годовщина со дня ее первого убийства? – спросила я. – Мария говорила, что какой-то репортер добивается свидания с Шаной, чтобы задать ей несколько вопросов по этому делу.

Вместо ответа суперинтендант МакКиннон выдвинула ящик стола и выудила из него перевязанную кипу писем.

– Его зовут Чарли Старци. В первый раз он позвонил сюда полгода назад. Мы объяснили ему, что свою просьбу он должен отправить в письменном виде лично Шане. Мне сказали, она прочла несколько писем, но ни на одно из них не ответила. Очевидно, его это не остановило.

Суперинтендант передала мне письма. Я насчитала более дюжины конвертов, на каждом из которых стоял почтовый штемпель с датой отправления. Получается, на протяжении последних трех месяцев этот репортер писал практически каждую неделю. Все конверты были вскрыты, но это не означало, что Шана их прочла. Скорее всего, перед тем как отдать письма получателю, из соображений безопасности их проверяла охрана.

– Все эти письма написал один и тот же человек?

– Да.

– Из какой он газеты?

– Не из газеты. Он блогер, ведет какой-то интернет-портал или что-то вроде того, я не очень в этом разбираюсь. Как говорят мои дети, бумажные газеты – это каменный век, интернет-новости – вот наше будущее. Может, и так, только что мне стелить под кошачью миску?

– Шана прочла все письма?

– Нет, только первые два или три, а потом она и вовсе перестала их брать.

– Но вы-то их читали?

– Лично я – нет, но мои сотрудники проявили любопытство. Сами понимаете, вашу сестру трудно назвать популярной пациенткой.

Я снова кивнула, понимая, что суперинтендант имеет в виду. Многие пациенты, находясь в заточении, начинали вести активную социальную жизнь, становились более общительными, и, соответственно, охране было приятнее иметь с ними дело. Особенно это касалось молоденьких симпатичных девушек. Шане же в этом плане ловить было нечего. В свои сорок с хвостиком, закаленная жизнью в тюрьме, она имела вид не просто малопривлекательный, но скорее даже отталкивающий. Не удивлюсь, если большинство считают ее лешьянкой. Лично я в это не верю, учитывая сексуальный характер ее убийств, однако, опять-таки, я ее об этом не спрашивала.

– Когда Шана стала получать письма каждую неделю, – продолжила суперинтендант, – мы стали подозревать, что они могут содержать нечто большее, чем просьбу о личной встрече.

Я в третий раз кивнула. Может, моя сестра и не красавица, но на ее счету числится в том числе употребление наркотиков, так что я понимала беспокойство службы безопасности.

– Если письма содержат шифр или какую-либо скрытую информацию... – суперинтендант развела руками, – то сделано это просто мастерски. У меня такое чувство, что этот репортер просто помешан на вашей сестре. После того как я навела о нем справки, стало ясно, что догадка эта не лишена смысла. Он двоюродный брат Донни Джонсона.

Я озадаченно посмотрела на собеседницу. Донни Джонсону было всего двенадцать, когда Шана придушила его голыми руками, прежде чем изуродовать лицо ножом. И хотя ей было четырнадцать, в связи с особой жестокостью деяния судили ее как совершеннолетнюю. На суде Шана заявила, что Донни пытался ее изнасиловать, а она всего лишь защищалась. А что касается отрезанных ушей, изуродованного лица, длинных полосок кожи, срезанных с его предплечий...

Даже не пытаясь изобразить раскаяние, она заявила присяжным, что сильно сожалеет о своем поступке. Классический ход, который мало помог ей в этом случае.

Окружной прокурор обратил внимание на тот факт, что Донни был бледным хилым пареньком, которого на уроках физкультуры всегда выбирали в свою команду в последнюю очередь. Шансы этого сорокапятикилограммового чуда изнасиловать превосходящую его в размерах, более хитрую, чем он, закаленную в уличных драках соседку стремились к нулю...

Присяжным понадобилось менее двух дней, чтобы решить дальнейшую судьбу моей сестры. Их решение было не самым радужным, даже несмотря на то, что адвокату удалось оградить Шану от лишних вопросов по поводу предыдущих инцидентов, включая тот, когда она порезала еще одного сверстника.

В средствах массовой информации мою сестру называли не иначе как монстром. Если вспомнить, что после она убила еще трех людей, двое из которых были тюремщиками, вряд ли общественность в ней ошибалась.

Как говорила Шана, она была Папочкой. Прирожденным хищником.

А я была Мамой. А Мама, по ее словам, была еще хуже.

Я ничего не могла с собой поделать: перед мысленным взором поплыли фрагменты кожи в стеклянных флаконах, спрятанные в коробке из-под обуви, хранящейся в моей гардеробной. Что бы подумала Шана, узнай она, что я вовсе не такая белая и пушистая, как она думает? Что у нас с ней и с отцом, в конце концов, очень много общего?

Я попыталась собраться с мыслями и снова сосредоточиться на письмах.

– Так что именно ему нужно? – спросила я.

– Задать Шане несколько вопросов.

Я помахала в воздухе пачкой писем:

– Но ему это не удалось?

– Нет. Поэтому он до сих пор продолжает присылать ей свою контактную информацию.

– И он, конечно же, не посчитал нужным сообщить, что является двоюродным братом маленького Донни. Вы сами нашли эту информацию.

– Именно.

– Что ж, его мотивы вызывают подозрение.

– Я тоже так думаю, – согласилась суперинтендант МакКиннон.

– Думаете, Шана знает обо всем этом?

Суперинтендант удивленно посмотрела на меня:

– Откуда она, по-вашему, может знать о родственной связи между репортером и Донни Джонсоном?

Я пожала плечами.

– Вы говорили, что Шана отказывается читать письма. Почему? Репортер всего лишь просит о личной встрече. С чего бы ей нервничать по этому поводу? Вы знаете Шану не хуже меня. Она умная, она умеет манипулировать людьми, плюс ко всему ей скучно... Полагаю, она бы нашла это предложение как минимум... интригующим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.